

18+

Людмила Юханссон

Единичное множество, или...

Сборник опубликованных произведений

Людмила Юханссон

Единичное множество, Или...
Сборник опубликованных
произведений

«Издательские решения»

Юханссон Л.

Единичное множество, Или... Сборник опубликованных произведений / Л. Юханссон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-695133-4

В сборник вошли опубликованные ранее в издательствах повести, рассказы, эссе, притча, сказки для детей младшего школьного возраста, стихи.

Произведения — номинанты на различные Международные литературные премии: Н.А.Некрасова, Г. Лавкрафта, В. Набокова, А. Грина, С. Довлатова, конкурс «РосКон» — 2020 и МЛП-биенале 2020—2022, Международную премию мира, становились финалистами, дипломантами и лауреатами. Публиковались на английском и китайском языках.

ISBN 978-5-00-695133-4

© Юханссон Л.

© Издательские решения

Содержание

Автобиография	6
КВИНТЭССЕНЦИЯ СТРАХА	8
Часть 1. Одиночество Прометея	8
Часть 2. Отречение апостола	11
ЕДИНИЧНОЕ МНОЖЕСТВО, или ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ «КРАСАВЧИКОВ»	21
Повесть	21
Глава 1. Парадоксы аксиом	22
Глава 2. Проект	23
Глава 3. Собор	25
Глава 4. Креативщики	28
Глава 5. Параллельные реальности	30
Глава 6. Тайна Осириса	31
Глава 7. Загадочный тор	33
Глава 8. Теория точек	35
Глава 9. Единицы смысла	38
Глава 10. Город черных ангелов	40
Глава 11. Премудрости генетики	43
Глава 12. Иллюзия движения	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Единичное множество, Или... Сборник опубликованных произведений

Людмила Юханссон

© Людмила Юханссон, 2026

ISBN 978-5-0069-5133-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автобиография

Людмила Юханссон родилась в 1950 году и выросла в Ленинграде. В 1972 году с отличием окончила Ленинградский полиграфический техникум, факультет технического редактирования, в 1982 году – Московский полиграфический институт, факультет журналистики. Прошла путь от корректора до литературного редактора, работала в редакционных отделах и издательствах.

После Перестройки окончила Балтийский институт туризма, факультет менеджмента и перешла на работу в туристическую отрасль. Совместила работу с мечтой о путешествиях по миру, которые в Советском Союзе, мягко говоря, «не поощрялись». Работала по созданию и развитию агентской сети туроператоров и франчайзинга.

В 2004 году переехала жить в Швецию. Увлечлась рисованием, брала частные уроки у профессиональных художников и в 2009 году окончила курс «Живопись и графика» в «Folkuniversitet» в Стокгольме. В 2015 году участвовала в выставке шведских художников в Париже, в 2017 году – в Италии и периодически – в художественных выставках в Швеции.

Любит море и увлеченных людей, считает творчество – главной целью в жизни человека. Творчество дает возможность выразить свой взгляд на процессы, происходящие в современной жизни, на манипулирование нравственными основами и моральными ценностями в изменяющемся мире, на ответственность каждого человека за свои поступки и их последствия для самого человека, человечества и планеты.

«Творческий взгляд на жизнь, – считает Людмила, – это возможность поделиться своими мыслями с другими людьми, найти единомышленников, чтобы жизнь стала разнообразнее, интереснее, более событийной и красочной. Очень многое – в твоих собственных руках. Как любит повторять знакомый мне тренер по здоровому образу жизни: «Делайте! Я вам все рассказал, делайте!»

В 2019 году родилась и вышла в свет книга сказок для детей дошкольного и младшего школьного возраста «Баклуши для Маркуши». Волшебные и в то же время познавательные истории об окружающем маленького человека микро- и макром мире.

В 2020 году в конкурсе «РосКон» участвовала повесть «Единичное множество, или Инструкция для «красавчиков»», которая стала лауреатом второй степени Международной литературной премии им. Н. А. Некрасова, 2021, отрывки были опубликованы в сборнике «Миры внутри нас», полностью – в специальном выпуске альманаха «Российский колокол» к 200-летию со дня рождения Н.А.Некрасова. Повесть «Аллигатор» стала дипломантом премии-медали им. Г. Лавкрафта, – отрывки опубликованы в сборнике «За стеной сна», издательства ИСП. Две части эссе «Одиночество Прометея» и «Отречение апостола» («Квинтэссенция страха»), рассказы «Остановите ангела», «Прощание с сакурой», притча «Создатель» опубликованы в альманахах «Российский колокол» и тематических сборниках в 2020 – 2024 годах. Повесть «ЛАЛ – рубиновая магия любви» публикуется отрывками в сборниках разных издательств: «Ветер перемен-«2, «Я подарю тебе звезду», «Небывалому быть» к 350-летию со дня рождения Петра I. Участвовала в различных сборниках «Назад в СССР», «Ушел, вернее остался...», «По следам книжной Сибири», в журнале «Вокруг света» и переводились на английский язык (Литературный магазин «Russian Bell» №4 2020 г.). Стихи опубликованы в сборнике «Высотский-85», 2023. Людмила Юханссон включена в Энциклопедический словарь современных писателей, 2023.

Людмила Юханссон – член Интернационального Союза писателей, награждена орденом Святой Анны «За достижения в искусстве» и орденом «Хранитель традиций» за сохранение традиционных нравственных ценностей в современной литературе.

«Активная жизненная позиция – залог творчества, личностного роста и физического здоровья человека», – считает менеджер, художник и журналист Людмила Юханссон.

КВИНТЭССЕНЦИЯ СТРАХА

Часть 1. Одиночество Прометея

Вадим сидел над раскрытой книгой, подперев голову руками. Он уже сбился со счета, сколько тысячелетий «прожил», листая страницы фолиантов, рукописей, разрозненных записок и глиняных табличек. Подходил к концу срок его девятилетнего заточения. Он прошел девять кругов ада человеческих деяний, и вскоре ему предстояло выйти в мир. Перевернув последнюю страницу последней книги, он прочел: «Всему свое время! Ты приоткрыл все завесы! Скажи свое слово!»

Он погладил свою длинную бороду, встал из-за стола и начал ходить взад-вперед между стеллажей с книгами, задвигая стеклянные двери, отделяющие мудрость времен от беспечной современности последнего поколения. Перед тем как выйти отсюда и надеть на себя белые одежды, он решил провести в библиотеке последнюю ночь наедине со своими мыслями.

Это был девятый, самый нижний этаж священной библиотеки. Сюда в течение веков стекались священные книги из всех уголков мира, добываемые всеми недозволенными способами. Его заточили в этом подземелье, когда он, еще совсем юным, вступил в состязание с высшим иерархом могучей церкви и поставил его в тупик своим последним вопросом. Решение Его Святейшества было одобрено высоким собранием святых отцов, прибывших со всех концов света. Старая вера рушилась, фанатиков становилось все меньше, да и обычные люди стали задавать очень много неудобных вопросов.

Они решили, что он должен стать жертвой на алтарь новой веры: только сострадание к жертве может тронуть души, поверившие в силу личной, независимой свободы воли. Ему предстояло найти идею нового учения! Если вера в беззаботную счастливую жизнь после смерти утратила доверие, что может убедить человека прожить свою жизнь праведно и не стяжать то, что уже не лезет ни в карманы, ни в ненасытное нутро? Стяжательство стало пороком пороков, поражающим независимо от возраста, статуса и духовных обязанностей... Ребенок перестал быть святым существом, насилие над которым не подлежит искуплению. Попрана чистота женщины, ее миссия хранительницы родового кода, записанного в ее ДНК, и ее обязанность нести его дальше в соответствии с высшим законом мироздания. Все искупалось «Божьей волей». Ни один мессия не смог обуздать злую волю человека.

Дойдя до конца последнего стеллажа, Вадим остановился: перед ним в глубине коридора мерцало огромное зеркало. «Люблю большие зеркала, – подумал он, – они мистически свободны, они, как времени шкала, рассудку злему чужеродны...» Он смотрел на свое отражение во весь рост и не узнавал себя.

«Кто я? Зачем я здесь? Я потратил девять лет моей жизни только на то, чтобы узнать, как было. Почему Я должен теперь решать, как будет? Я мог бы отказаться от этого... но тогда даже за всю мою жизнь я не смог бы даже приблизиться к истине, ведь эти двери открывают не для всех. Почему они выбрали меня? Я родился там, откуда все когда-то началось, но... я современный человек и я не рвался в Прометеи... Конечно, они знали, что в моем рождении не все обычно, я „собран“ из генов трех родителей. Да, теперь уже поздно: я не смогу продолжать жить, как обычные люди потому, что теперь я – ЗНАЮ! Значит, на это они и рассчитывали!»

Он разглядывал свое отражение. Разговаривал с самим собой. Ему казалось, что та часть его, за зеркалом, отвечает...

– Главное, что отличает человека от животного, – мораль! – сказала зеркало.

– Она утрачена, согласен. Какое решение я могу найти, чтобы человечество прошло эту ступень, освоило урок и смогло двигаться дальше? Почему религии предлагают счастье после смерти, почему они не дают способа жить и чувствовать себя счастливым при жизни? Они используют страх «муки вечной»...

– Религии избавили от этого страха... – ответил ему человек в зеркале.

– Но не стала радостней жизнь, стала радостней смерть... Религия снимает тяжесть отчаяния, а счастья это все равно не прибавляет! Смирение не убивает жажду справедливого возмездия: сердце не отпускает, а только притихает, задавленное словами... Жертвоприношение уже было искуплением, жертвами становились поочередно то люди, то звери. Все способы наказания перепробованы в веках, и даже любовь не закрыла своим покровом ребенка от насильника, от матери-убийцы... Раскаяние оправдывает зло. Горячая молитва возносится за жертву, но не спасает ее. Что должен знать человек, чтобы не причинять боль другому, не стяжать безмерно?

– Любить ближнего, как самого себя... – спорило «зеркало».

– Но полюбить себя – значит простить себе все. «Блаженная печаль самой любви, предчувствие ее неверности...» Раскаяние спасает не жертву... – горестно заключил Вадим и еще раз посмотрел на своего двойника в зеркале. Тот ничего не ответил...

Повернув обратно, он прошел между стеллажами, устроился удобно для медитации, закрыл глаза и задал свой главный вопрос.

...Он увидел себя идущим по лестнице. Впереди него шли люди. «Куда я иду? Почему я не знаю, куда я за ними приду? Не хочу идти по лестнице!» – решил он.

По краям лестницы, с двух сторон, лежали каменные глыбы. Он ступил на них, пошел вверх и наконец увидел, куда вела лестница: в конце ее, высоко вверху, горела звезда. Он отвел взгляд от звезды и почувствовал, что летит среди звезд. Приблизившись к краю своей галактики, присел на краю последней спирали, спустив ноги в бесконечность. Вселенная вращалась, как огромный водоворот, медленно и величественно. Насмотревшись на это циклопическое действо, он повернул голову к бесконечности. Пролетев еще немного, остановился около желтой планеты, и за ее краем ему открылась другая галактика... Это был «Глаз Бога» – совершенный, как Весика Писцис, вобравший в себя все смыслы законов Вселенной и человека, выверенные точными математическими пропорциями. «Что это? Зачем мне это знать? Что я должен понять? Как я мог улететь так далеко? Как мог я это видеть? Мои глаза были закрыты.» – подумал Вадим и очнулся.

Он сидел на полу и пытался анализировать свои видения.

В этом «святилище мысли» на каждом подземном этаже были встроены подобию окон, за которыми бежали дни и ночи так же, как наверху. Равнодушное солнце уже давно зашло за последнюю черту, отделяющую остатки дня от ночи. Оставались последние часы – священная ночь, отделявшая его от начала чего-то нового, еще никому не ведомого...

«Почему у меня такое имя? Я и „ветер“, и „символ победы“, „сеятель смуты“ и „любимый“, и „зовущий“... Скажи мне, кто я, если можешь?» – вопрошал он в пустоту.

Распластавшись на своей лежанке, он заснул и начал погружаться в новое видение.

...Он шел по широкой улице. Все вокруг было красиво и нарядно, как в праздник. По улице шли веселые люди, шалили дети. Они поочередно выходили на середину улицы и пели песни: грустные, веселые, серьезные, меняя настроение толпы, плывущее по волнам мелодий, то растворяясь в ней, то камнем падая вниз и замирая в ожидании Возрождения. К пожилому мужчине на середину улицы вышел человек в оборванной одежде и стал петь, как будто споря с ним.

Потом он упал, и люди начали стенать и рыдать. Затем как будто выключили свет... Вадим оказался на другой улице. Посередине лежал огромный золотой шар. Люди взялись за руки, ходили вокруг него и радовались. Затем, устав от радости, начали обсуждать, что делать с ним. Попробовали его распилить, расколоть, расплавить...

В конце концов решили построить над ним огромный многоэтажный дом и начать распиливать шар сверху. Те, кто оказался на нижних этажах, были вынуждены ждать, и ждать, и ждать, но верили, что они дождутся своей очереди. Все остались довольны тем, что когда-нибудь своё получат, и жили Надеждой.

«Ничего особенного, – думал Вадим, – люди как люди. Что мне от них нужно? Они меня не замечают, я никакой, один в толпе... в своем глубоком одиночестве».

Его размышления прервал голос: «Ты погрузился в одиночество, а думал жизнь прожить, как вешний сон. Исполни тщетное пророчество, сменив одежды на бессмертный трон...» Кто-то протянул ему руку, и он проснулся.

В фальшивом окне занимался рассвет.

«Во сне, – думал Вадим, – происходят необыкновенные события. Мы там живем короткий миг, переживая как реальность... Где это происходит? Может быть, это и есть тот способ, который поможет человеку «пережить» чувства жертвы. Искушение – немедленное, виртуальное исполнение наказания, жертвоприношение себя. И эта неотложенность наказания – последнее испытание человечеству.

Каждый раз, становясь на место жертвы, невозможно умножать зло...»

– Я готов выйти на свет! Но ты мне не ответил на мой главный вопрос! – крикнул он в пустоту и отворил массивную дверь...

Часть 2. Отречение апостола

После девяти лет заточения в подземельях огромной библиотеки Вадим открыл тяжелые двери девятого, самого нижнего этажа «святилища мысли» и вошел в темный коридор. Он почти ничего не видел под ногами. Зловещие блики догорающих факелов на неровных каменных стенах подземелья воскрешали видения из «прожитых» им в библиотеке лет... Коридор поворачивал то вправо, то влево и, наконец, показались два ярких факела, освещавших массивную дверь. Их пламя неистово плескалось, перемешивая желтые и черные тени, и воображение находило в них намеки на желанные или нежеланные образы. Наконец на фоне дверей появилось чье-то неясное очертание... Тихий шепот обволакивал Вадима со всех сторон:

«Ты впустил в себя все страсти: любовь и ревность, жалость и месть, радость и печаль, щедрость и жадность, покорность и гордость, отвагу и трусость. Ты – квинтэссенция. Как эфир, quinta essentia – тончайшая пятая сущность, – везде, но невидима, так и чувства, которые тебя наполняют, – неосвязаемы. Они будут управлять тобой, если ты позволишь, или ты будешь управлять ими. Так устроен ты. Это великая загадка, невидимая сила, ты в ней, и она в тебе – дух, которым наделен этот мир, разделенный на миллионы частиц. Ты испытываешь все! Ты поймешь каждого и посмотрим, что останется от того, что ты задумал! Ты не сможешь судить, потому что найдешь в себе тот же порок, и ты не сможешь прощать, потому что и себя простить не сможешь.»

– Не все можно прощать! – крикнул Вадим. – Разве можно простить насильника ребенка или убийцу его души?

– Все – по воле Божьей! Значит, и прощать не надобно... И судить тоже...

– Значит, все хорошо по-твоему? Кто-то должен это изменить!

– Попробуй! Возьми факел и открой дверь...

– Который мой?

– Выбери сам...

– Но у меня две руки и два глаза. В мире живет неверие и сомнение, они будут сопровождать меня с двух сторон. Мне нужны оба факела!

Толкнув ногой дверь, Вадим вышел в просторный зал. Тени от факелов плясали в полумраке и, отрываясь, устремлялись вверх. Стены сверкали изумрудной смальтой. Белые плоские колонны, уходили высоко вверх и были исчерчены разными письменами. «Почему их двенадцать? – подумал он. – Я „пережил“ здесь девять тысячелетий безумных деяний человечества. А что значат еще три?»

Перед ним была широкая лестница, которая упиралась в тринадцатую, пустую колонну...

Он пошел вверх по ступеням, поднимаясь к вершине своего духа... Миновал двенадцатый этаж...

На последней площадке к нему подошли два монаха. Один из них сказал:

– Мы давно тебя ждем! Что ты скажешь теперь?

– Странно, когда я спускался, этажей было только девять..., а когда поднимался – их стало двенадцать...

– Этого не может быть! – сказал монах, который стоял слева. – Там внизу только девять этажей!

– Но я считал лестницы, когда шёл вверх!

– Может, ты задумался и сбился со счета? – спросил второй, который стоял справа.

Вадим рассердился.

– Держите факелы и можете остаться здесь... Я выхожу на свет! Я слишком долго к нему шёл...

Он открыл высокую дверь и вышел. Перед ним была огромная пустая площадь. Солнце подбиралось к горизонту и было готово обогреть рай земной.

– Они скоро соберутся здесь, – сказал первый монах. – Думаешь, они тебе поверят?

– Ты не можешь перевернуть мир! Ты не первый... – сказал второй. – Наверное, все просто повторится сначала... Я уйду! У меня много дел, скоро праздник!

– Может, им и не нужно то, что ты хочешь сказать, и лучше все оставить, как есть... – засомневался первый. – Я тоже уйду. Мир живет не только твоими мыслями...

Вадим остался один среди каменной пустыни площади. Вокруг стояли величественные здания, колоннада окружала площадь с двух сторон, между колонн в раздумье стояли статуи тех, кто пытался доискаться истины в веках.

К Вадиму подошел ребенок.

– Здравствуй! Можно, я пойду с тобой? Мне страшно...

– Здравствуй... Но я не знаю, куда я пойду!

– Я не буду тебе мешать. Я люблю разговаривать, но я уйду, как только ты устанешь от меня.

Он взял Вадима за руку. От мягкой маленькой ручки стало радостно на душе, и Вадим спросил:

– Так, куда же мы пойдем?

– Ты сам решай, я здесь первый раз...

К ним подбежала запыхавшаяся женщина, потянула ребенка за руку и шлепнула по щеке.

– Где ты шляешься, паршивец? Если дома есть нечего, это не значит, что надо удирать из дома! Я не могу все время бегать за тобой!

– Не смей бить ребенка! – остановил ее Вадим. – Он ведь не может тебе ответить тем же!

– Ты не можешь быть моей мамой! – крикнул мальчик. – Ты меня не любишь!

– Ну и убирайся! Одним ртом меньше будет...

– А ты еще наплачешься с ним, – плеснула она в лицо Вадиму свою ярость.

– Пошли, – сказал Вадим мальчику, и они быстро скрылись в колоннаде.

День разгорался и тепло волнами плескалось в еще прохладном воздухе.

– Я пойду за город, – сообщил Вадим, – там прохладнее днем. Может, ты вернешься домой?

– Нет! У меня нет дома...

– Да... чем такая мать, лучше никакой... – заключил Вадим и подумал: «А никакой, может быть, все-таки хуже...»

– Не говори так, ты ее не знаешь... Она добрая... – возмутился ребенок.

– Почему же ты убежал от нее?

– Ей так будет легче... Одним ртом меньше..., ты же слышал! А ты веришь в Бога? – спросил он, глядя в голубое небо.

– Я верю в правду!

– А разве правда не у Бога?

– У Бога! Но Бог, он в тебе. Ты всегда сам знаешь правду. А если не знаешь, спроси его, и он тебе сразу пришлет письмо, прямо вот сюда, – засмеялся Вадим и легонько пальцем постучал мальчика по лбу.

Они уже были с другой стороны колоннады, когда из большого дворца вышел знатный вельможа в сопровождении охраны и свиты. Слуги суетились, толкались и пытались обойти суровых охранников, чтобы приблизиться поближе и в нужное время вставить самое похвальное слово.

Вадим с мальчиком отошли к стене дома.

– Это самый главный? – спросил он Вадима.

– Да, главный... Главные приходят и уходят... бессмертна только свита...

Толпа семенила позади охраны. Озабоченные вельможи поправляли путающиеся складки своих белых одежд и пытались обогнать друг друга.

– Почему ты думаешь, что он главный?

– Видишь, его охранники намного выше него! Это самые сильные воины из его гвардии. Такие не имеют права служить другим вельможам...

Патриций поравнялся с Вадимом.

– Кто вы? Почему вы стоите здесь в такое раннее время?

– Мы путешествуем, – ответил мальчик, с любопытством рассматривая изысканное одеяние высокого крепкого мужчины.

– Почему ты такой грязный? Ты что не умываешься с утра?

– Нет. Я живу не у реки. Я сделаю это вечером. Можно я потрогаю твой плащ? Может быть, я тебя больше никогда не встречу...

Охранник подошел, встал рядом и взялся рукой за свой меч.

– Почему он меня боится? – спросил мальчик.

Властитель подданных засмеялся.

– Он не боится! Это его работа охранять меня.

– Но я не могу сделать тебе ничего плохого, я еще маленький.

– Кто же может знать, что у тебя на уме? – улыбнулся ему Главный, но глаза его не улыбались...

Охранник грозно посмотрел на мальчика и рявкнул:

– Ну!

Мальчик наклонился к подолу, потрогал своими тонкими пальчиками ткань. Патрицию понравилось, что он склонился перед ним так низко.

– Это самая лучшая ткань, которая может быть доступна, – сказал он самодовольно.

– А кто ее сделал?

– Ее делают крестьяне и красят в этот прекрасный цвет. Никто, кроме меня, не имеет права шить себе одежды из такой ткани!

– Да-да... – обрадовался мальчик. – Я слышал, есть одно растение, из которого нужно выдавить сок, и потом можно им что-нибудь покрасить. Но если одна капля попадет на руки, то человек умрет. Тебе не жалко их?

– Кого? Тех, кто делает краску? Но кто-то должен это делать, раз она нужна мне... У меня другие дела, я забочусь о целой стране! У нас много врагов, ты ведь о них не думаешь?

– Нет... Я думаю только о еде... и о моей маме...

– Я вижу, что ты бедный... Хочешь, я подарю тебе мой плащ?

– Нет.

– Почему?

– Тогда я стану такой, как ты! Очень гордый. И мои друзья оставят меня...

– Но ты же видишь, сколько у меня друзей, – важно сказал господин и махнул рукой в сторону своей свиты.

– Нет, не такие... Мои друзья не бегают за мной везде, они приходят, когда мне плохо!

– Ну, как хочешь! Каждому – свое..., – начал раздражаться властелин, помолчал немного и добавил:

– Но ты сегодня испортил мне настроение... Я мог бы наказать тебя за это! Даже убить! – И он сделал шаг в сторону мальчика.

– Если ты сделаешь это, то я уже не смогу простить тебя, когда ты захочешь исправить свою ошибку.

– Ты плохо учишь своего мальчишку, – грозно добавил, патриций, глядя на Вадима.

Охранник вынул свой меч, но вершитель судеб остановил его и быстро пошел прочь. Свита ринулась за ним и некоторые из них благоразумно пропустили вперед тех, кто раньше был позади...

– Ты всегда так разговариваешь с людьми? Не страшно было? – спросил Вадим мальчика.

– Нет. Мне страшно только во сне, потому что там я не умею бегать...

– Тебя же могли убить! Я не смог бы тебя защитить...

– Вот и мама иногда говорит, что убьет меня... Жить иногда страшнее, чем умереть... Знаешь, хуже голода ничего нет..., потому что, когда человек очень долго голодный, он может убить другого даже за кусочек хлеба. – Он улыбнулся и посмотрел Вадиму прямо в глаза. – Поэтому я иногда что-нибудь краду и запихиваю в рот, пока убегаю... – он со смехом стал показывать руками, как запихивает в рот украденное. – Один раз меня поймали, но... – он развел руками, – ничего не нашли! Чего ж главного бояться, он же не голодный...

Вадим улыбнулся в ответ, но в душе его потемнело – это был безотчетный холодный страх... квинтэссенция страха – страх-тоска за этого маленького человека... Он обнял его за плечо и сказал:

– Пошли отсюда скорее!

Они свернули на соседнюю улицу, чтобы выйти за большими домами на дорогу к деревне.

Им навстречу шёл разъяренный человек. Он чертыхался и размахивал руками. Подойдя ближе, он крикнул:

– Убирайтесь с дороги, – бездельники!

– Мы не бездельники! – сказал мальчик и сдвинулся к краю дороги.

– Все равно убирайтесь!

– Почему ты на нас кричишь, мы тебе ничего не сделали? И улица широкая...

– Ишь, умник нашёлся!

– Если ты будешь так кричать на людей, то потом сам себя накажешь за это.

Крестьянин поднял выцветшие клочковатые брови, остановился, уперся кулачищами в бока и навис над мальчиком. Взгляд его плавал между гневом и любопытством.

– Какой же дурак сам себя наказывать будет? Спятил ты, что ли?

– Вот увидишь! Захочешь просить прощения, а меня не найдешь. Но я буду – в тебе! Всегда...

– Маленький дурачок, давно тебя не учили уму-разуму! Дождешься когда-нибудь... – сказал крестьянин, повернул к ним свою широченную грязную спину и, сотрясая землю пудовыми ножищами, ушел.

– Почему ты ему ничего не сказал? – спросил мальчик Вадима.

– Потому что ты сам сказал все, что нужно. Как бы мы его победили, если бы он начал драться...? А?

– Да..., – чумазик упер руки в бока и засмеялся, – я не смог бы тебе помочь...

Они двинулись дальше. Вокруг уже всюду щебетали птицы, где-то вдалеке стучал дятел, на дорогу то и дело выбегала трясогузка.

– Я хочу есть, – сказал Вадим. – Ты тоже, наверное?

– Я могу пойти с тобой.

Они подходили к деревне. У обочины стояла убогая харчевня, дверь была открыта. Внутри было мрачно и пусто, пахло грязными полами. Хозяйка, навалившись всем телом на прилавок, спросила:

– Чего есть будете?

– Почему ты думаешь, что мы будем есть, – спросил мальчик.

– В такое время еще не пьют..., да и вы на вид слишком прозрачные... Деньги-то у вас хоть есть? Или кланчить будете?

– Мне только хлеб и молоко! – важно сказал мальчик.

– Почему так мало? – удивился Вадим.

– Если я съем больше, мне в следующий раз захочется еще больше, но я не знаю, когда ты меня прогонишь...

– Тогда мне тоже, только хлеб и молоко! – подмигнул Вадим хозяйке.

Она поставила еду на стол.

– Все б так думали, так я б разорилась... Ну и послал мне Бог умников... Видно, день уже не задался...

– А на что тебе денег не хватает? Ты же ешь до сыта каждый день! – удивился мальчик, нюхая хлеб и слизнув капельку молока, стекавшую с большой кружки.

– «Не хлебом единым сыт человек»... Я хочу большой трактир открыть, – мечтательно сказала она, – чтобы много богатых людей приходило, с деньгами...

– Но тогда у тебя будет очень много работы!

– Что я дура, сама работать. Я людей найму: повара, буфетчика, полового...

– Значит, ты просто ленивая?

– Ты, оборванец, еще учить меня будешь! Поел? Убейся, пока я тебя тряпкой не отходила...

Мальчик быстро допил молоко и затолкнул в рот остаток хлеба. Собрал все крошки со стола и зажал их в кулачке. Дойдя до двери, он оглянулся:

– Я правду сказал! Ты сама это знаешь! Ты потом жалеть будешь, что нас выгнала. Захочешь прощения попросить, а меня не найдешь. Но я в тебе буду, – всегда!

– Давай, давай... прощения... Убейся!

– Хорошо же ты воспитываешь своего щенка... – фыркнула она на Вадима.

У входа в харчевню гурлили и сустились голуби. Мальчик разжал кулачок и бросил им крошки...

– Эта жадина, конечно, им ничего не даст! Ну ничего, ведь не зима же еще... – заключил он по-взрослому.

Утро было в разгаре, в деревне стало оживленнее. Проехала телега, груженная мешками. У колонки женщина накачивала воду в ведра. За колонкой стоял полицейский и важно наблюдал за порядком.

Вдалеке у торговых лотков кто-то закричал: «Держите, он украл у меня курицу!» Полицейский помчался за убегающим парнем, схватил его за шиворот и ударил несколько раз своей дубинкой.

– Все! Все! Отпусти! Больно же! Я больше не буду!!! – орал вор на всю улицу. Убивают!!! Запыхавшийся полицейский прошипел ему что-то на ухо и отпустил.

– Почему ты его отпустил? – спросил мальчик, оглядываясь на пробежавшего мимо парня.

– Он же не унес курицу! – важно заявил полицейский. – Вот она! Он получил по заслугам, ты сам видел. И потом... не пойман – не вор...

– Но ты же его поймал... и отпустил. Если бы он у тебя украл, ты бы его отпустил?

– Горбатого могила исправит... Таких вон полная тюрьма, ждем, когда исправятся... Меня учить не надо. Я на этой улице главный. А ты чего здесь болтаешься? По харчевням расхаживаешь... Чего ищешь? Иди-ка сюда... и он поманил мальчика пальцем.

– Но я ничего плохого не сделал! – мальчик попятился, и стайка голубей, которая крутилась вокруг него, вспорхнула и улетела обратно к харчевне.

– Это твой ребенок? – грозно обратился полицейский к Вадиму.

– Нет, но он со мной пришел.

– Ну так и следи за ним, как положено. А то сейчас отведу вас куда надо. Там разберутся! Он повернулся к ним спиной и пошел с курицей к торговке.

– Пошли, – сказал Вадим. Лучше не зли его...

– Почему меня все обижают? Не знаешь? – спросил он Вадима. – Я им ничего плохого не сделал. Они спрашивают, а я им отвечаю... Вот и мама говорит, что мучается со мной...

Они дошли до конца улицы. Над кронами деревьев возвышались купола. Красивая ажурная ограда окружала храм, ворота были открыты. За оградой вдоль дорожки стояли подающие.

Мальчик подошел к молодой женщине и тихо произнес:

– Я хочу тебе дать что-нибудь, но у меня ничего нет...

– Я вижу. Я не за подающим здесь стою... – тоже тихонько шепнула она.

– А зачем? – громко сказал он, и глаза его округлились...

Она приложила к губам палец:

– Может, я понравлюсь кому-нибудь из грешников и меня возьмут на работу... но это – секрет. Я тебе дам две монетки: одна – тебе, а вторую сам отдай потихоньку вон той слепой старушке.

Мальчик удивленно посмотрел на нее, сунул одну монетку в карман и пошел к старушке.

В церкви было еще прохладно, пусто, тихонько потрескивали свечи и пахло ладаном. С икон печальными глазами смотрели на прихожан усопшие...

По нефам ходил священник и что-то готовил к заутренней. Мальчик подошел к окошечку, где стояли на продажу иконки и свечи.

– Дайте мне две свечки, если этой монеты хватит... – попросил он.

– Монашка посмотрела на него, дала свечи и сдачу. Тут тебе еще на обед останется. А почему тебе нужно только две?

– Одну – к Богородице, за маму, и одну – к Христу, за моих братьев и сестер, потому что кроме него им никто не поможет.

– А мама...?

– Ей сейчас сначала Богородица должна помочь... – Он вытер нос рукавом и улыбнулся ей.

– Ну иди с Богом..., сердешный... Она проводила его безвозвратно потухшим взглядом и перекрестилась.

Вадим ходил, как неприкаянный, и никак не мог решить, к какой иконе поставить свечу за своего маленького спутника. Он подошел к иконе Богородицы со своей свечой. «Если ты не поможешь его матери, то ей не справиться... А ему нужна только ее любовь...» – прошептал он, склонившись к иконе. Он укрепил свечу, пламя задергалось и отклонилось в сторону... – мимо прошел священник и направился прямо к мальчику.

– Я тебя здесь никогда не видел..., где ты живешь?

– Я живу далеко, просто я сегодня путешествую с одним человеком. Я хочу ему помочь...

– Чем же ты можешь ему помочь?

– Он хочет понять, почему люди не справляются со своими грехами.

– И как же ты это объясняешь?

– Очень просто! – Он пожал плечами и спросил: – Сколько стоит твой крест? Он золотой?

– Золотой! – священник ласково улыбнулся.

Мальчик подложил свою ладошку под крест и покачал немного рукой. – Тяжелей... Зачем тебе такой большой?

– Потому что я взял на себя нелегкий крест служения Богу, высшей справедливости, чтобы пасти паству Христову...

– Но ты его неправильно носишь! У Христа крест был на спине, а не на животе... Отдай его мне, а себе купи деревянный, или возьми взамен мой... Я продам твой крест – тебе будет легче, а мои братья и сестры не будут больше голодать...

Священник задумался и холодно сказал:

– Ты еще слишком мал, сын мой, чтобы...

– Я мал только в твоих глазах... Я не хочу быть твоим сыном!

– Но на тебе крест, значит, ты уже сын мой и брат...

– Тогда подели хлеб свой с моими братьями и сестрами... Ты не хочешь нас любить...

Когда будешь ложиться спать, не снимай этот крест и свои золотые одежды...

– Почему? – опешил священник. – Ты говоришь глупости... – растерянно добавил он.

– Узнаешь сам... Я уйду. Я нищий в твоём храме под золотыми куполами. Они светят, но не греют...

Вадим уставился в лик Богородицы, не решаясь повернуться, и только слушал разговор. Когда мальчик закончил, он поспешил за своим маленьким спутником к выходу.

На аллее появились прихожане. Девушка тихонько помахала мальчику двумя пальчиками и опустила головку...

Они прошли соседним переулком и по тропинке вышли за деревню.

Солнце поднималось все выше, и утренняя прохлада таяла под его лучами. Дорога начала пылить...

– Как ты думаешь, солнце доброе или злое? – спросил малыш Вадима.

– Это, как человек: если от него тепло на душе – тогда добрый, а если он обжигает и жжет своими словами, как солнце в зените со своей недостижимой высоты, – тогда злой. Однако, когда жар спадает, солнце заходит и перестает греть совсем, но все опять ждут его и молят появиться. Оно приходит, согревает, но потом опять начинает жечь. Так и человек...

– Тогда я не знаю, какой я... Меня никто не ждет... Может, я был, как злое солнце? – спросил маленький мудрец самого себя.

Они присели у дороги, Вадим снял свои сандалии.

– Почему ты ходишь босиком. Ты же можешь надеть простые сандалии?

– Нет. Сейчас тепло. Они мне пригодятся зимой, когда земля остынет и станет мачехой.

Недалеко от них из зарослей ложбины вышел мужчина. Он вытирал тряпкой кровь с ножа, спрятал его и начал вытирать руки. Потом бросил тряпку в заросли. Проходя мимо них, он остановился.

– Ну что смотрите?

– Ты порезался, – спросил мальчик с сомнением?

– Нет. Но тот парень не вовремя «оступился» и сильно порезался об этот нож...

– Тебе его не жалко?

– Не знаю. Но я поставлю свечу за упокой его души... Здесь недалеко...

– Значит, ты убийца?

– Нет. Это моя работа. У меня нет другой работы, а за эту мне неплохо платят... – сказал он мрачно и исподлобья посмотрел на Вадима.

– Но это страшный грех! Ты потом не сможешь себя простить... ты будешь мучиться, а прощения от него получить уже не сможешь... Поставить свечку к иконе Богородицы за себя, когда тебе станет очень тяжело...

– Не думаю... Бог простит. Он все видит. Я давно на исповедь собираюсь... Не покаешься – не спасешься... Так ведь? Что-то ты больно разговорчивый... Прикусил бы язычок, пока не поздно... – спокойно сказал он, прищурившись, взглянул на Вадима и пошел в сторону деревни.

Вадим сидел молча. Мальчик пошел было в заросли, но потом вернулся.

– Я не боюсь мертвых, но мне будет его очень жалко, а помочь ему я все равно уже не могу.

– Пойдем в ту рощу, – предложил Вадим, – там передохнем в тени. Скоро разольется такое марево, что воздух станет тягучим и дурманящим.

– Пойдем! А куда ты потом пойдешь?

– К людям. Еще много таких, кому надо попытаться помочь. Нельзя жить в раю с черной душой...

– Но они тебя не просят о помощи! А те, кто просят, обычно, хотят жить в небесном раю...

Они подошли к роще. Прохлада опустилась им на плечи.

– Сначала немного отдохнем, – сообщил Вадим, – потом пойдем поищем мёда. Ты умеешь собирать мёд?

– Нет! Но я знаю, что это такое. Я один раз украл и попробовал. Очень вкусно! Теперь мне все время его хочется...

Они устроились у ручья, и Вадим закрыл глаза. «Я фактически еще ничего не сделал, – раздумывал он, – я только слушаю, что говорит этот мальчик... Какое счастье, что никто из них не поднял на него руку! А мать... ее он уже простил... Сколько лет пройдет, пока черные души поймут справедливость своего наказания? Сколько пройдет веков? Сомневающиеся предадут, неверующие казнят, верующие надеются... Ведь это так просто, сказать себе „я неправ“ и помочь другому. В душе каждый знает, когда неправ, если не ищет себе оправдания... Я готов был стать пророком..., а чувствую себя апостолом. Столько увидев, столько узнав, я отравлен человеческой злобой, гордыней, жадностью, глупостью, жестокостью власти, беспредельностью зла... Я не готов прощать. Не смогу простить того, кто обидит этого мальчика... Я буду ходить за ним, при мне его не посмеют тронуть... не тронули же сегодня... Ведь он никому не причинил зла, никто из них не пострадал.»

Что-то прошуршало в траве, Вадим вдруг забеспокоился и открыл глаза. Мальчик бежал к нему из рощи...

– Я нарвал тебе орехов, – сказал он, улыбаясь, уселся рядом, взял камень и начал их колоть. Зеленая мякоть разлеталась в разные стороны, ладошки его потемнели. Он тоненькими пальчиками вытаскивал кусочки ореха и складывал их на большой зеленый лист... Вид у него был всклокоченный, но очень гордый.

– Пойди умойся как следует и пойдем за мёдом, а потом будем есть его с орехами.

Они собрались, завернули в лист орехи и ушли в чащу.

– На дерево придется лезть тебе, если мы найдем дикий улей, – сказал Вадим.

– А как же ты собирался без меня набрать мёда? Ты без меня, как без рук... – засмеялся мальчик.

– Остался бы без мёда, но орехов точно набрал бы... Смотри, там большое дупло... Сначала надо набрать длинных палочек и больших сухих листьев. Свернем их в тугой жгут. Держи спички. Когдакрепишься вон на той ветке, подожги жгут, подыми перед дуплом – пчелы немного разлетятся – и палочкой найди мягкие соты. Потом другой, потом еще, заверни вот в этот лист и спускайся. Сильно не тревожь их!

Когда все было сделано, они отошли подальше от дерева и принялись есть.

– Вкусно! Только дымом немного пахнет... и орехи немного сыроватые..., – тихонько заметил мальчик.

– Осенью, когда поспеют, сам можешь набрать и домой отнести...

Где-то, на краю леса послышались громкие голоса...

– Сходи-ка ты на тот конец леса и поищи, где пчелы кружатся, мы, пожалуй, еще на ужин пособираем мёда, – сказал Вадим и указал в противоположную сторону леса. – Набери побольше палочек, не забудь набрать листьев, в которые завернёшь палочки. Возьми спички с собой. Я немного отдохну здесь.

Мальчик умчался, а на другой окраине леса появилась толпа. Впереди шёл полицейский, за ним верзила, крестьянин, хозяйка трактира и парочка сочувствующих...

– Я видел, – кричал верзила, – они в этот лес зашли. Вон он сидит! И мальчишка здесь где-нибудь...

Верзила размахивал палкой, трактирщица шла с перекошенным лицом и бормотала бессвязно, так что понять ее было невозможно... Полицейский вышагивал впереди компании. Они подошли ближе, и полицейский начал первым.

– Сегодня утром я получил приказ разыскать тебя и привести во дворец! Как ты умудрился со своим мальчишкой надерзить самому патрицию? К тому же, на вас сегодня весь день жалуются честные граждане. Ты нарушил покой в нашем городе! Чему ты учишь своего несмышленища? Он говорит дерзости достойным людям, ничем не заслужившим оскорбления! Он даже меня обвинил в...

– Я его ни чему не учил! Он просто весь день ходит за мной, я не мог бросить его одного – он слишком маленький! Я его покормил и собирался вернуться с ним в город, он где-то там живет...

– Почему ты не заткнул ему рот? – заорал крестьянин.

– Но он просто спрашивал тебя, а ты даже не ответил на его вопросы и только ругался все время!

– Он обозвал меня лентяйкой! И угрожал мне ... – шипела трактирщица.

– Я все слышал, ты говоришь неправду! – возмутился Вадим.

– Он грозил мне всеми муками ада, щенок! Это ты его подучил! – мрачно выдавил из себя верзила... Выискался, святой отец! Прощения мы у него просить будем...

– Ты лжешь! Он только спрашивал, а отвечал ты сам!

Верзила с побагровевшим лицом придвинулся еще ближе к Вадиму и еще сильнее сжал свою палку...

Крестьянин так пыхтел и краснел от ярости, что смог выдавить из себя еще только одно слово: «Да!»

Блюстителю порядка терял главенствующую роль и решил восстановить порядок – закончить самым веским обвинением.

– На него даже святой отец из храма жаловался, – заключил он, выйдя вперед. – Мальчишка дерзкий и наглый! И ты ему потакаешь! Ты ответишь за это!

Вадим обреченно обвел всех взглядом.

– Тогда вы не в полном составе пришли... Грешно обижаться святому отцу на речи такого маленького, необразованного оборванца..., – пытался он отвести беду от мальчика, но понял, что его слова уже ничего не значат...

Толпа распалялась и оттеснила полицейского. Верзила, зацепив плечом трактирщицу, подошел к Вадиму и толкнул его. Трактирщица не удержалась, свалилась и завизжала. Началась свалка. Полицейский махнул на них рукой и пошел по тропинке обратно... «Идиоты! Теперь их не остановишь...»

И вдруг стало тихо. Кто-то охнул, трактирщица поднялась с земли отряхнулась и отошла в сторону. Все расступились... Вадим лежал недвижно... Солнце опускалось к вечной границе рая земного и воздух стал наливаясь квинтэссенцией серого животного страха.

– Идиоты, – бросила всем трактирщица и пошла прочь. За ней потянулась оставшаяся стая, навеки связанная отныне случайной тайной... Голоса отдалялись, тускнели и растворились вдали...

Вадим лежал на земле, ноги его нелепо загнулись, руки разметались, по лицу стекала кровь... «Зачем ты так сделал? – услышал он знакомый голосок сквозь глухую пелену боли. – Надо было сказать: „Я неправ! Я не могу судить людей.“ – и они отпустили бы тебя! Ты ведь не был моим учителем... Ты просто хотел мне немного помочь. Я тебя никогда не забуду... Ты за меня не бойся. Они никогда не найдут меня. Я буду везде. Я буду с ними всегда. Я буду

у них внутри. И они услышат себя... Но мне надо вернуться к маме, пока не стемнело, потому что она меня ждет. Прощай...»

«Но я не судил их... – подумал Вадим, пытаясь шевелить губами. – Они сами себя судили, их страдания должны были помочь им не умножать зла...»

Он приоткрыл распухший глаз и в облаке пыли увидел стайку мальчишек-оборванцев, которые стремительно убегали прочь. Глаза его устали от пыли..., мелькания видений... и, наконец, закрылись... «Он быстро бежит..., – думал апостол, – и выглядят они все одинаково. Его не найдут! Он вернется к матери, окрепнет и будет помогать ей растить остальных. Зачем она подобрала столько бездомных? Справится ли... Богоматерь, милостивая, помоги ей...»

Вдруг ему в голову молнией вонзилась мысль: мальчик не сможет думать по-другому... Его узнают по голосу его души. Боже... Боже! Сделай же что-нибудь сам!»

Быстро темнело, еще немного и распахнется бескрайний Рай небесный – бездонная сверкающая Вечность...

ЕДИНИЧНОЕ МНОЖЕСТВО, или ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ «КРАСАВЧИКОВ»

Повесть

Глава 1. Парадоксы аксиом

– Через любые две точки можно провести прямую и притом только одну. Если две прямые имеют общую точку, то через них можно провести плоскость и притом только одну. Ну, Вы это и без меня знаете, раз уж Вы здесь сидите... – сказал профессор и прошелся своим цепким взглядом по лицам студентов, которые сидели в битком набитом амфитеатре Академии. Он любил запустить в аудиторию банальность, чтобы собрать в одну точку внимание таких разных и пока еще не знакомых ему умов. Он получал массу информации, следя за реакцией и выделяя тех, кто в дальнейшем точно будет его слышать и, возможно, захочет решить нерешенную им задачу.

– А если посмотреть на глобус, то их бесконечное множество..., – заметил рыжий смешливый паренек с самого верхнего ряда амфитеатра.

– Но тогда они будут изогнутыми, молодой человек...

– Это зависит от того, откуда Вы смотрите, профессор...

– Я смотрю со стороны кафедры... и вижу, что такая прямая будет изогнутой!

– Это потому, что Вы на ней не стоите, профессор, – не унимался рыжий.

– Если Вы посмотрите на центральную ось глобуса, то увидите, что две крайние точки соединяет только одна прямая..., – начал улыбаться профессор, и в его глазах мелькнул загадочный огонек.

– Через эту прямую проходит бесконечное количество плоскостей, профессор, и...

Профессор попытался рассмотреть паренька «с последней парты», но тот сидел слишком высоко. Копна рыжих курчавых волос горела, подсвеченная юпитерами, и мешала рассмотреть лицо.

– Хм... Вот к завтрашнему дню начертите мне, пожалуйста, на плоскости... то, что Вы увидите, если будете стоять на точке экватора, – сказал профессор и улыбнулся в пушистые рыжие усы. А мы продолжаем. Итак...

«Хотя, если изогнуть плоскость, то прямая, расположенная на ней, будет изогнутой только относительно стороннего наблюдателя... О, черт..., – подумал профессор и еще раз взглянул на рыжего паренька. – Да..., совершенно новое поколение. Они не учились выписывать буквы... «рука – к перу, перо – к бумаге...». Их учили сразу выписывать мысли, быстро, четко, на ходу заменяя слова более точными. Их мысль летит с другой скоростью, ей не нужно материализоваться на бумаге, чтобы анализ и синтез соединились. Они это делают виртуально, у них другой способ мышления. То, на что я потратил годы в библиотеках, добывая по крупицам драгоценные детали и соединяя их тонкими нитями размышлений, они получают за пятнадцать минут сюрфа. Двухлетний ребенок пальчиком пытается листать на экране телевизора – он так привык, играя с планшетом, и считает он ментально быстрее калькулятора... Что я могу предложить, чтобы они загорелись поиском, в какой реальности они будут жить через 30 лет... В каком объеме нужна им история, чтобы идти дальше и не зарваться, «не обрубить сук, на котором сидишь».

Перед ним были молодые люди, у них были новые вопросы – на них он мог попытаться что-то ответить. Надо к ним присмотреться повнимательнее, среди них должны быть собеседники...

«Старые аксиомы начинают рассыпаться понемногу... „Икар поднялся так высоко, что его крылья расплавились и...“ ... при минус двести семьдесят градусов по Цельсию...? Или он так махал крыльями пока летел сто пятьдесят миллионов километров, чтобы стало потеплее...? Парадоксы аксиом... в них всегда есть повод для пытливого ума...»

Глава 2. Проект

День клонился к вечеру и был хмурым и противным несмотря на то, что солнце все еще светило. Из-за старого перелома болела рука. Хотелось чего-нибудь выпить, чтобы согреться и успокоиться. Майя задернула занавески, достала бутылочку своего любимого, включила новый компьютер и надела наушники.

В комнате стало привычно темно, прохладный напиток был ароматным и приятным на вкус, и она начала понемногу успокаиваться.

Вот так всегда, когда что-нибудь срывалось, начинала болеть рука, никого не хотелось ни видеть, ни слышать. И тогда она закрывалась в своей комнате и включала «компис» – так она называла свой компьютер – мой друг. И ведь чувствовала же, что не надо было связываться с этим агентством, все как-то сразу пошло наперекосяк, да и Даг говорил, что слишком много они обещают, не может все сложиться так быстро, как она хотела. И вот вчера вечером она разорвала контракт, полночи «мусолила», что надо было бы сказать на прощанье тому агенту. Она из-за них потеряла слишком много времени, да и денег за два месяца тоже.

Черный экран на стене подмигнул, промелькался, внутри у «комписа» что-то прохрюкалось и появилась Ирис...

– Чем могу помочь?

– Найди мне квартиру.

– В какой части света тебе бы хотелось?

– Давно я не была в Париже, там сейчас должно быть тепло...

– В какой части Парижа тебе бы хотелось?

– Поближе к Нотр-Дам. Хочу еще раз получше рассмотреть те самые витражи, ну ты знаешь...

– Конечно! Ожидание 5 минут.

Майе очень нравился большой экран нового компьютера, купленного на деньги последнего гонорара. Она выполнила очень большую работу не так быстро, как хотелось, но результат устроил заказчика.

Мир переставал существовать, когда она сидела даже за своим стареньким компьютером дни и ночи напролет. А теперь был полный восторг от нового скоростного компьютера, и она тестировала его на выносливость. Реальность перехлестывала все ожидания. У нее освободилось время для своего проекта. Он был ее давней мечтой – путешествовать без чемодана, который вечно был забит вещами, которые оказывались лишними в поездке, но чего-то нужного всегда не хватало. Все время что-нибудь ломалось: то ручка у чемодана, то дурацкие колесики, то вообще чемодан пропадал в недрах чужого самолета и приходилось ждать его возвращения пару недель, иногда уже дома... В общем, трэш...

Все программы, которые она протестировала, не устраивали. Виртуальность была какая-то ущемленная, всегда напоминая, что находишься в программе, которую прописали не так, как тебе хотелось бы. И когда выскакиваешь из программы, то все реальное вокруг начинает раздражать еще больше своей медлительностью и неповоротливостью. Теперь ее собственная программа удивляла и давала возможность наслаждаться плодами свершившейся мечты. Она написала ее довольно быстро, но в процессе тестирования всплыли детали, которые хотелось доработать.

Экран занимал половину противоположной стены, так что сидеть можно было на удобном диване и давать задания Ирис или щелкать клавишами, когда надоедал ее полумеханический голос. Изображение расплывалось по комнате, окутывало со всех сторон так, что даже боковым зрением нельзя было подглядеть за край видения. Его сопровождали звуки, которые были такими явственными, что хотелось оглянуться, когда раздавался гудок паровоза

из какого-нибудь путешествия в далекое прошлое. Теперь она могла путешествовать за все тридевять земель, в любое тридевятое царство, тридесятое государство.

Когда Ирис растворилась, на экране появились виды Парижа. Он обволакивал со всех сторон. Майя начала бродить по знакомым улочкам, указывая красным лучиком, куда надо свернуть, или останавливалась, зачарованная знакомыми панорамами. Она хотела бы посидеть за столиком около маленькой кофейни, но на экране вместо него уже всплыла услужливая Ирис...

– Ты не устала бродить? Давай посмотрим то, что я нашла! Думаю, тебе понравится. Это из последних предложений у старых виртуалов. Я тебе оставлю папочку, ты полистай сама, я скоро вернусь.

Майя взяла лазерную указку и стала открывать закладки Ирис. Ей понравился дом напротив Нотр-Дам, с другой стороны реки. С этой стороны Собор открывался другой своей стороной. Она поднялась по широкой лестнице на последний этаж и вошла в квартиру... Ирис угадала то, что Майе было нужно именно сейчас!

Квартира была полной противоположностью того, что Майя любила. Просторная, светлая, почти пустая, но в ней было все необходимое: большая гостиная, спальная комната с душевой, ванная комната и кухня, правда без окон, но из нее через окно гостиной было видно Собор! Майе сейчас именно это и было нужно...

– Ну, как тебе? – спросила Ирис.

– Берем! Сколько стоит?

– Смотря, как долго ты хочешь здесь побыть.

– Пару дней пока, там видно будет. И закажи мне большой экран в спальню.

– Хорошо, я все улажу. Счет пришлю. Оплати сегодня.

– Ок! Ирис растаяла и экран погас.

Майя сварила кофе, отодвинула занавеску и вышла на балкон. Солнце зашло, день был все тот же, но уже не казался таким хмурым и противным. Она вернулась в комнату, задернула занавески и решила немного доспать, пока на улице не стемнеет окончательно. Немного кофе никогда не мешало ей заснуть, а привычка работать по ночам въелась не только в мозг, все тело теряло способность шевелиться, и в семь часов вечера она засыпала автоматически, без малейшей возможности сопротивляться.

Глава 3. Собор

Проснулась она от звонка в дверь. Короткий, тяжелый сон не принес облегчения, и надо было начинать все сначала, искать новое агентство, чтобы попытаться вырваться из шумного города. Ее работа не зависела от того, где она находилась.

Кто-то трезвонил, как сумасшедший... «Кому еще не спится по ночам», – подумала она.

Дверь не пришлось распахивать широко, рыжий паренек проскользнул внутрь, как летний ветерок. Уже не юнец, но такой же тонкий, звонкий и взъерошенный. У него была дурацкая привычка тормошить свои волосы, когда он рассуждал, а причесываться он не считал обязательным.

– Ну что, купила что-нибудь?

– Да!

– Какой-нибудь «антиквариат» на окраине Лондона... ха-ха?

– Нет! У меня сюрприз! Ирис опять угадала, что мне нужно сегодня... – чердак напротив Нотр-Дам!!!

– И на сколько?

– На пару дней!

– И за сколько?

– Не спрашивай...

– Куда пойдем? Ты отоспалась?

– Вроде, да... Садись! Ты этот «компис» еще не видел, это новый!!!

Она нажала на кнопку и появилась Ирис.

– Чем могу помочь?

– Открой Нотр-Дам.

– Ожидание десять секунд, – прочирикала Ирис.

– А ты квартиру-то покажешь? – спросил Даг.

– Потом, подожди... Смотри!

Они стояли перед Собором. Все было, как на картинке из рекламного журнала.

Собор был подсвечен и таинственно вырисовывался на темном небе. Он был невероятен: грандиозен, тяжел и легок одновременно. Его тяжелое тело как будто вросло в эту землю, вцепившись своими древними корнями в остров. Он стоял недалеко от края реки, не желая в ней отражаться. Его можно было рассматривать бесконечно, столько деталей и смыслов было вложено в него с самой первой страницы его жизни.

Они были одни и входили в собор медленно. Сначала казалось, как будто что-то тяжелое наваливается сверху, но, когда продвинулись еще немного вперед, Собор «распахнулся», и они замерли от удивительной легкости и света. Собор дышал, светился своими загадочными витражами. Что-то мистическое чувствовалось в воздухе – призраки ушедший времен...

Они шли по боковым нефам вдоль Собора мимо огромных колонн... Горели свечи, но ладаном не пахло... Свет вливался через высокие окна, разноцветные стеклышки витражей, разбиваясь на все цвета радуги, расцвечивали причудливые сюжеты Писания.

– Смотри, на какие фигуры разбита верхняя часть окон, – сказал Даг. – Они все разные. Каждое окно имеет свою тему. В главной, верхней, части окна разные геометрические фигуры. В одном квадрат с ромбом внутри и четыре полусферы держат его, как неумолимые стражи. В другом окне главное – трилистник, а вот в том – шестилистник и пятилистник рядом, вон в том, в правой нише, вверху – пятилистник и перечеркнутый внутри крестом квадрат с полусферами, но без ромба внутри... Они стали искать другие геометрические фигуры и нашли все двенадцать! Они прошли в центральную часть Собора. С двух сторон в окна были вставлены великолепные круглые витражи. Два огромных цветка раскрыли свои многочисленные

лепестки, вобрав в себя все из витражей больших окон, которые окружали Собор, и были даже позади алтаря... В этих двух витражах была сокрыта древняя тайна, разбитая во времени на осколки и разбросанная по всему миру. Здесь она была в своем первоизданном величии. Два цветка не были просто красочным украшением, пропускающим свет в сердце Собора. Они были разными: начиная с самой сердцевины, каждый из них рассказывал о своем, сакральном, известном только самым посвященным хранителям тайны божественного творения. Многие, пытавшиеся приблизиться к этой тайне, исчезали бесследно...

Майя подошла к золотому ларцу, украшенному такими же сакральными знаками. Кто знает, какую недоступную прихожанам тайну он хранит... Знаки и символы на ларце не могли быть случайными, церковная утварь не терпела праздных закорючек.

Экран компьютера мигал, приближая и увеличивая детали украшений, резьбы, витражей и все, на что указывал красный луч указки. Даг попросил: «Сделай скрин витражей, у меня есть к ним вопросы...»

Пошло немало времени, пока они бродили по Собору, но уходить не хотелось...

– Ваше время истекло, – сказала «всплывшая» на экране Ирис.

– Окей. Мы вернемся сюда завтра. Сейчас мы хотим прогуляться по городу, – прошептала Майя. – Ожидание 1 минута, – сообщил все тот же голос, спрятанный где-то в недрах паутинных связей «сложного целого».

Экран подмигнул, распахнулся, и они очутились на берегу Сены, у маленькой пристани. Небольшой кораблик приближался медленно, только немного притормаживая у пристаней, и надо было успеть заскочить на него.

С реки город казался совсем другим: более загадочным, не очень знакомым. Все, что они знали о Париже, было на своих местах, но производило совсем другое впечатление. Новые ракурсы, ночные подсветки меняли облики знакомых зданий. Нотр-Дам «парил» над колышущимися огнями улиц и мостов, а Эйфелева башня, подсвеченная огнями, казалась новогодней елкой.

Они плыли через город или город плавно скользил мимо них... – хотелось, чтобы город не кончался...

Они спрыгнули с кораблика на широкую пристань, пока он притормаживал.

Эйфелева башня приближалась, как в кино. Они поднялись на последний этаж полюбоваться панорамой города. Он переливался огнями, они подмигивали, как будто хотели привлечь внимание каждый к своему будоражащему воображение месту. Нотр-Дам немного потерялся в море этих огней, его закрывал чистильщик окон, который висел на страховке и улыбался им.

На площадке им предложили виртуально выпить по традиционному бокалу шампанского, но... Майя опять почувствовала раздражение от невозможности получить это удовольствие в виртуале, от того, что ее программа не могла дать хотя бы обонятельного ощущения. Она предложила Дагу спуститься в панорамный ресторан «Жюль Верн», в котором бывала раньше в первой реальности.

Майя нажала золотую кнопку, которой она пометила вызов Ирис.

– Я думаю, вы проголодались. Где вы хотите поужинать? – уточнила помощница.

– Ресторан «Жюль Верн».

– А там готовят лягушек? – засмеялся Даг.

– Не смейся, тебе там понравится...

– Ирис, мы настроены погурманить под облаками! Закажи нам меню «Опыт» с тремя переменами блюд на мой адрес.

– Я все улажу. Ожидание 20 минут, вы успеете еще поболтать, – проговорила Ирис и растворилась. Через секунду она вернулась.

– Вам повезло, ваш счет попал в голубую зону, половину оплачивает Ирис. Счет пришлю. Оплати завтра, – выпалила привычный текст Ирис, и экран погас.

Они «выскочили» из программы и оказались в абсолютной реальности, в полной темноте.

Даг начал было вспоминать промахи с агентством, но Майя быстро переключила его на свою новую программу.

– Скажи, что тебе не очень нравится?

– Все здорово, просто жрать хочется... Откуда так аппетитно запахло? Не из твоей программы?

– Ну что ж, придется немного подождать... В ресторане было хорошо, но виртуальное путешествие не снимает чувства голода, надеюсь реальная служба доставки работает четко даже ночью... – немного грустно пробурчала Майя.

В моей программе есть «дырочки», которые я хочу доработать, только надо посоветоваться кое-с-кем насчет виртуального обоняния. Оно у всех работает по-разному. Хотя..., – Майя запнулась, не успев договорить, как в дверь позвонили – явился разносчик заказов.

Большая корзина, точно такая же, как в ресторане «Жюль Верн», была напичкана корбочками, баночками, небольшими термосами и бутылочками.

Накрыть реальный ужин не заняло много времени. Все было вкусно и деликатесно!

– Хватит жрать... Пойдем, я тебе покажу мою квартиру, – заторопилась Майя. – Мы еще успеем к восходу солнца!

Она нажала на кнопку и попросила:

– Ирис! Мы хотим посмотреть мою квартиру.

– Ожидание 3 минуты, – проговорил монотонный голос из компьютера.

– Говорящая матрешка..., – всегда надо ждать..., – пробурчала Майя. – А интересно было бы, если б она выскакивала по принципу матрешки... ха-ха. Надо обдумать, идея мне нравится!

Только они успели отнести посуду на кухню, как замигал экран... Они очутились опять в Париже, в мансарде, напротив Нотр-Дам.

Квартира была превосходная! За окном уже дрогнул рассвет, небо быстро бледнело, и начал показываться золотистый край светила. Оно поднималось из-за Собора и оживляло все вокруг! Смотреть на него было невозможно. Река перед Собором заискрилась, и утро напомнило о своих правах. Все задвигалось, зашуршало, засуетилось...

Время в Париже пролетело незаметно. Вначале им казалось, что времени еще много, и Даг с Маей бездельничали – бродили без всякого плана. Но потом вдруг оказалось, что второй день подходит к концу, и они помчались осматривать закоулки Парижа и непопулярные у туристов места.

– Даг, неужели прошло два дня? – спросила Майя.

Ирис выскочила на экран, как черт из табакерки.

– Последний вечер. Было бы предусмотрительно подумать о планах на следующий день, чтобы сократить время вашего ожидания.

– Она как будто подслушала мои мысли..., – задумчиво сказала Майя.

– Спасибо, Ирис! Мы подумаем. До завтра! – И Майя выключила великолепный экран.

Виртуальное время летит намного быстрее реального, – заметил Даг.

Завтрак и прощание были короткими, и он умчался в свою реальность...

Глава 4. Креативщики

Майя осталась в излюбленном одиночестве и стала обдумывать свою новорожденную программу. Все было вроде бы и неплохо, но чего-то не хватало. Никак не удавалось ухватить ниточку, за которую можно было вытянуть весь недостающий блок.

Она позвонила знакомому виртуалу и напросилась на встречу в подвале Кости Сократа. Обычно перепачканный краской Костя объяснял каждому желающему свое ноу-хау так азартно, что тут же хотелось взять все его баллончики, вертушки, приспособления и начать творить сею же минуту. Там была чудесная креативная обстановка, люди занимались выдумыванием чего-то, чего не знали сами... Интуиция вела их сама, заставляя перемешивать краски, запахи, мелодии, зарождая в каждом человеке что-то свое, очень личное, непрошенное, или, наоборот, давно желанное. «Художник творит для себя», но всегда надеется, что сможет тронуть чье-нибудь сердце, и оно откликнется на призыв сострадать, изумляться, любить.

В этом подвале застревали только креативщики, никто не скучал. К Косте приходили подурачиться, снять напряжение с натянутого, как струна, нерва. Муки творчества здесь уступали место радости творения: расправлялась душа, что-то внутри открывалось, дышалось легко, развязывался очередной гордиев узел и идеи толпились в голове. Оставалось только выбрать, за какую приняться в первую очередь.

Случайным посетителям было не понятно, зачем все это нужно? Им нужна была конкретность, они жили в другой реальности. Иллюзию реальности они не принимали, «майя» им была не нужна...

До подвала Кости было недалеко и Майя решила зайти в соседнее кафе, посмотреть, как люди едят. Кафе было организовано по типу фаст-фуд, но еда была приличная. Народу было много, входяще-выходящий поток мешал сосредоточиться на запахах, которые тянулись к самому входу.

Первое, что ударило в нос, это запах рыбы от проходившей мимо девушки... «Почему женщины чаще выбирают рыбу?» – подумалось Майе. Ей тут же захотелось заглянуть в меню, но в этом кафе меню не было. Она встала в очередь и начала сканировать плошки, мисочки и сотейники. Запахи перемешались и пришлось вспоминать вкус тех блюд, которые она видела. Мозг выдавал какие-то сигналы, выбирая, чего она хочет, на некоторые плошки никаких сигналов не поступало. В таком формате сложно было найти что-то новенькое, и она выбрала опять то, что знала наверняка. Как можно захотеть то, чего не знаешь на вкус? Пожалуй, запах может привлечь и разбудить желание попробовать и цвет тоже...

Свободное место нашлось недалеко от кофейной стойки, и запах кофе забил окончательно все остальные запахи.

В общем, она вышла из кафе с сумбуром в голове, не сделав никаких наметок для разговора с виртуалом.

У Кости было, как всегда,людно и шумно. Виртуал «завис» в последней комнате и уже что-то изобретал, разбирая кучу каких-то деталей и баллончиков. Он сказал, не оборачиваясь:

– Я ел последний раз вчера утром, а от тебя пахнет бразильским кофе, а под ним рыба и «ремоладе», только в соусе какая-то незнакомая мне приправа...

– Извини, – прошептала Майя, – я пыталась разобраться с запахами и вкусами в соседнем кафе... – извини!

– Ладно, проехали. – Виртуал мельком обернулся, чтобы посмотреть, кому принадлежал этот незнакомый голос. – Ну говори, чему обязан.

– Я хочу дописать свою программу, но ничего не получается с виртуальными запахами и вкусами.

– Ну, вы – «красавчики», куда вы «плаваете» за такими вопросами? Да..., проблемка..., я вообще-то не профессор... Ладно, подумаю. Если будет, что сказать, перезвоню. Кинь в мой карман свою визитку, я немного занят... Пока! И он опять повернулся к своей реальности.

Глава 5. Параллельные реальности

Майя вышла во внутренний двор и было такое ощущение, что она попала уже в другую реальность. Здесь была иная атмосфера: под ногами – шершавый заплывающий асфальт, стена соседнего дома меняла свой цвет от грязно-серого у асфальта в серо-желтый и дальше начинался тот остаточный-желтый, которым дом был покрашен лет пятьдесят назад... Курильщики стояли группами, обсуждая что-то наболевшее, и не считали зазорным сплевывать и бросать окурки на землю, старательно раздавливая их башмаками из соображений пожарной безопасности.

Она обошла пару новеньких джипов. Удивительно, как они протискивались через узкую длинную арку, прорезанную в первом этаже старинного особняка. Странно было видеть их здесь, на заплывающем заднем дворе, но хозяева, видимо, жили в этом доме с окнами в официальную реальность. Престижный центр города менялся на глазах, и поначалу многие по дешевке скупали здесь коммуналки, превращая их в «апартаменты на первой линии.»

Арка была проходом в следующую, третью реальность: приглаженную, причесанную и украшенную. Грязный темный проход отделял «закулисье» от припудренного лица особняка, выходящего на широкий престижный проспект. Люди торопились, как всегда, в противоположных направлениях и были одеты в зависимости от того, какой журнал нравился их друзьям... Это был реально-реальный мир, которому виртуальность была «по барабану».

Майе захотелось домой, поговорить с Ирис, но проблема не отпускала. Она влилась в поток и свернула под прямоугольные колонны. Это было первоклассное кафе, даже не совсем кафе...

Большой двусветный зал, нестандартная мебель, скрытая в глубине зала и почти незаметная стойка кафетерия. Внимание привлекала деловая публика, и Майя начала рассматривать дрескод.

В большом зале заказы принимали девушки, которых невозможно было отличить от публики. Деловые костюмы и никаких блокнотов в руках. Они просто подходили, отходили и возвращались с кофе. За маленькими круглыми столиками и на низких диванах сидели деловые люди и тихо обсуждали каждый свое. Просканировав половину зала, Майя не заметила ничего примечательного и повернула к ресторану. Огромная хрустальная люстра сверкала над этой реальностью, как солнце, которое согласилось светить только им, решающим неотложные проблемы человечества. «Странно, – подумала она, – в этом огромном „святилище“ нет запаха кофе.»

Ресторан был в соседнем зале за притемненной стеклянной стеной. Через нее едва виднелись большие настольные лампы, за первым к окну столиком – пара посетителей. Любопытствующие посетители не толпились на входе, а удовлетворялись внешней роскошью меню, даже не пытаясь его полистать. Те же, кто входил, зависали за столиками часа на два. У Майи не было времени, она направилась туда автоматически, но вовремя опомнилась. Ей сейчас не это было нужно. Ее интересовали только запахи и вкусы.

Она вышла на улицу, опять в следующую для себя реальность...

Глава 6. Тайна Осириса

Сколько придется ждать звонка виртуала, Майя не знала. Надо было что-то делать, и она решила встретиться с одним интересным человеком, который не так давно появился в городе, но уже привлек к себе внимание своими лекциями в Академии. Она знала, что он долго жил в монастыре и, значит, сталкивался с проблемой голоданий и ограничений в питании, то бишь, с продолжительным недостатком в организме необходимых микроэлементов и витаминов. Может быть, он подскажет что-то...

Она часто видела его в кафе, недалеко от Академии, и решила с ним поговорить. Ей пришлось несколько дней подряд посидеть в кафе, чтобы, как бы случайно, его встретить. И этот день настал.

Профессор оказался очень приятным человеком. Быстро нашлись общие темы, и он с интересом ее слушал. Наконец, она решила задать свой вопрос.

- Профессор, меня интересует проблема питания человека в виртуальном путешествии.
- Вы имеете в виду возможность устранения необходимости питания?
- Наверное, да...
- Эти опыты давно идут, но результаты очень печальные.

Виртуальное путешествие это только забава, на такой короткий срок человека, конечно, можно обмануть, но... нельзя выдернуть из системы одно звено, чтобы не разрушить ее. Все очень тесно переплетается невидимыми связями, иногда не совсем объяснимыми. Вы создадите другую систему, и не факт, что она будет лучше. Решив одну проблему, Вы получите цепочку проблем, с которыми Вам будет не справиться. Так уже было, и ушло много тысяч лет на то, чтобы уничтожить то, что получилось.

Человек устроен сложнее, чем вы думаете. Каждый ген отвечает за свой блок, который имеет свои многосложные внутренние связи и еще более сложные связи со всем целым. Чтобы устранить то, что вы хотите, нужно сломать то, что уже работает безукоризненно. Есть некоторые сбои, но у них всегда есть причина, не всегда нам понятная, но она всегда есть. Мы многого еще не понимаем. Вы внесете изменения в уже существующую программу... и последствия непредсказуемы.

В истории был такой эксперимент расчленения на части общего целого, потом попытка соединения частей обратно в одно целое. Получилось целое, но это было уже другое целое. Надеюсь, вы догадываетесь, что это было?

- Думаю, это – история Осириса!
- Другая попытка объединения в единое целое «разбежавшихся» частностей потерпела сокрушительное поражение. Устранили идеолога, и все опять рассыпалось и усложнилось многочисленными попытками толкования того, что получилось.
- Вы имеете в виду Египет? Это фараон Эхнатон, муж Нефертити?
- Конечно... Все это трагично, даже саму память о нем старательно уничтожали.

Но Эхнатону удалось кое-что сделать, и осталось то, что стало основой реалистического искусства. Кстати, Вы знаете, что слово «фараон» переводится как «тот, кем ты станешь», – уточнил профессор? Все усложнилось невероятно и пошло по тому пути, который привел нас туда, где мы с вами и находимся.

- Значит, я трачу время попусту?
- А зачем вам это нужно? – спросил профессор.
- Просто моя программа виртуальных путешествий получилась довольно хорошая, но, когда долго путешествуешь, натыкаешься на потребности реальности... начинают вклиниваться рекламные щиты и вывески ресторанов даже в виртуальной реальности, напоминая

о вкусовых пристрастиях. Мозг запускает свою программу... и автоматически «выскакиваешь» из моей...

– Пожалуй, есть один вариант решения, но он очень опасный. Я не могу вам его подсказать, каждый сам ищет ответы на свои вопросы и сам отвечает за результаты. Иначе вы пойдете по проторенному пути и не найдете ту точку на прямой, где надо сделать главный поворот, который приведет вас к успеху. Хотя... Ваш успех может обернуться поражением для ооочень многих...

Представьте себе, что Вы стоите перед черной дверью, другого выхода из Вашей комнаты нет... Вы знаете только то, что за дверью в темной комнате около двери есть выключатель, который можно включить один раз, выключить Вы его не сможете. Вы не знаете, может быть, свет загорится, может, взрыв произойдет, может быть, увидите что-то ужасное. Вы сами должны решить, что делать: бродить в темноте в поисках не известно чего или нажать кнопку. Если Вы просто будете бродить наугад, то не факт, что сможете вернуться и найти эту кнопку, ведь Вы не знаете, насколько огромно пространство, в которое Вы войдете.

Вы левша и начинаете искать левой рукой кнопку слева от входа, но если Вы правша, то ищите справа от входа. А в чем разница? Неизвестно... Вы задумываетесь, а что если есть еще одна кнопка с другой стороны двери? Находите второй рукой другую кнопку. Которую нажать? В конце концов решаете нажать одну и становится светло. Вторую кнопку Вы нажать уже не сможете. Перед Вами большая круглая комната. Стены выложены квадратами разноцветной смальты, которая переливается, сверкает всеми цветами радуги, но не слепит. Непонятно, откуда исходит свет, он вокруг... Осматриваетесь и видите вдоль стен по кругу расположены и пронумерованы восемь белых и пять черных дверей, всего 13. Какую открыть? Что за ней? Вы открываете тринадцатую и входите в следующую комнату.

Там все по-другому, не так, как в прежней. Вам здесь не очень нравится, но Вы уже не можете вернуться, потому что решили сократить путь и вошли сразу в тринадцатую дверь – следующий уровень реальностей. Вы опять попадаете в незнакомое пространство, надо опять открыть одну дверь, чтобы двигаться дальше, и их тоже тринадцать. И это бесконечно. Каждый раз Вы входите только в одну реальность. Это бесконечность «единичного множества». А что осталось за теми дверями, которые Вы не открыли? Может быть, Вам именно туда нужно было? Вы пропустили несколько важных этапов...

Или другой вариант: Вы идете из комнаты в комнату и там есть только одна дверь, которую Вы открываете. Вы двигаетесь последовательно, осваивая новое пространство, и тогда Ваш путь осознан. Вы тоже придете к цели, но в другом качестве. Какой путь Вам больше нравится?

– Спасибо, профессор. Я подумаю, – сказала в задумчивости Майя.

– Извините, мне пора идти. У меня будет еще одна лекция. Меня ждут такие же, как вы, виртуалы, которые витают черт знает где, а мне приходится расхлебывать и искать ответы на их вопросы.

«Пожалуй, я изменю тему сегодняшней лекции...», – подумал он, а вслух сказал:

– Есть у меня там один забавный студент, но вам лучше с ним не встречаться... Всего хорошего!

– До свидания, профессор, – сказала Майя, а про себя отметила: «Да... собеседники встречаются не часто...»

Глава 7. Загадочный тор

Когда утром Даг выскочил из квартиры Майи в свою реальность, выбора у него не было. Он опаздывал на лекцию. Там были вопросы, ответы и опять вопросы – то, без чего он не мог жить. Он начал думать о профессоре.

Профессор был необычным человеком, чем-то очень привлекал к себе Дага. В его внешности было что-то очень знакомое, пожалуй, улыбка. Он улыбался загадочно в свои пышные рыжие усы, смотрел при этом немного вниз и, казалось, видел или вспоминал что-то, что было далеко отсюда. К тому же остатки его шевелюры тоже немного отливали рыжиной. Он ничего до конца не объяснял, а давал задания, над которыми Даг подолгу ломал голову, и это всегда было интересно.

«Как он умудряется всегда так озадачить? Так хочется поговорить с ним подольше. Может, в дальнейшем мы сможем познакомиться ближе и побеседовать. Интересно, что он скажет по поводу моего рисунка? Мне кажется, у меня получилось.»

Здание Академии всегда производило на него разное впечатление. Иногда ему казалось, что он поднимается по широкой лестнице на «Олимп», где живут умнейшие из людей, которые знают ответы на все вопросы. Иногда он не замечал ни величественных колонн, ни самой лестницы, а просто бежал по ступеням, озадаченный своими вопросами и влетал в большой зал с амфитеатром.

В амфитеатре Академии всегда было разное количество студентов. Это зависело от расписания потоков, которые имели отдельные и совмещенные лекции.

«Что-то сегодня не густо, но это даже хорошо. Я смогу задать свои вопросы, не очень отвлекая других студентов, которых мои вопросы, возможно, совершенно не интересуют», – подумал он и устроился на своем любимом месте – в последнем ряду почти под потолком.

– Сегодня поговорим об энергии, – начал профессор. – Даг, Ваш рисунок мы обсудим немного позже...

«Что-то сегодня не густо, – пробурчал себе под нос профессор, – ну да ладно. Хотелось бы думать, что они сейчас решают где-то более важные вопросы с удвоенной энергией...»

– Да, энергия! В переводе с древнегреческого означает – сила, мощь, действие, деятельность. Энергия – величина физическая, скалярная, является единой мерой форм движения и преобразования материи. В замкнутой системе энергия видоизменяется, но не исчезает. Закон сохранения энергии точнее назвать принципом. Он установлен эмпирически и универсален. Ядро, как вы знаете, обладает энергией, но движение начинается, когда что-нибудь вмешивается в имеющееся равновесие. Когда нарушается равновесие, запускается новый процесс. Чтобы целое разделилось и выделилась энергия, нужен катализатор. В разных системах в роли катализатора могут выступать разные факторы. Примеры найдите сами.

Профессор повернулся к аудитории и заметил несколько блуждающих взглядов...

– Физические объекты, излучая энергию во всех направлениях, удерживают друг друга в определенном положении, определяя размеры и свойства единичного и целого. Любое внедрение в любую часть этого множества изменяет все связи и в итоге – каждое единичное априори.

Верно ли утверждение, что суммарная масса частиц, входящих в состав ядра, всегда больше массы ядра? Как Вы думаете, есть ли невесомость в центре Земли?

Профессор помолчал. Посыпались вопросы студентов, и он пытался определить, в каком порядке на них отвечать, чтобы сохранить свою линию лекции. К тому же на каждой лекции он старался поставить скрытый провокационный вопрос, который будет будоражить, и подталкивать к поиску чего-то более важного, чем обыденные вопросы, к тому, ради чего многие из этих молодых людей поступили в Академию.

Он отвечал на вопросы, а рыжеволосый студент на последнем ряду амфитеатра молчал. «Что же он молчит? У него вопросы закончились или обдумывает что-то...»

– Простите, профессор, что же тогда получается? Прямая – это последовательность бесконечно малых точек. Какие факторы определяют, с какой точки этой прямой начнется отсчет полярности? Чтобы появились какие-то крайние точки, должно возникнуть что-то, ограничивающее бесконечную прямую, по меньшей мере сфера? – Спросили, конечно же, с последнего ряда....

– Чтобы возникла сфера, необходимо произвести одинаковое движение из одной точки как минимум в четырех направлениях. Физические объекты в пространстве не соприкасаются, они взаимодействуют своими «единичными» энергиями...

– Какой же получится рисунок этих взаимодействий?

– Вот и нарисуйте к следующей лекции то, что у Вас получится, – улыбнулся профессор. Это «целое» должно быть замкнутой системой, чтобы поддерживать свою постоянную полярность. И такая система есть. Желаю Вам самостоятельно ее отыскать. Она есть в любом учебнике по математике, – уточнил профессор. О ней мы поговорим на следующей лекции.

– Профессор, я бы хотел рассчитать расстояние до определенной точки в пространстве, но скорость света в этом случае не совсем подходит... – смущенно заметили с последнего ряда.

– Если у Вас нет показателя скорости, то это невозможно. Возьмите пока скорость света в вакууме и одну астрономическую единицу, надеюсь цифры Вам известны... тогда Вы хоть куда-то придете... – усмехнулся профессор.

Мы с Вами немного отвлеклись от темы лекции. Итак, я ответил почти на все вопросы... Удачи вам в ваших размышлениях!

Лекция была последней на этой неделе, и профессор собирался отдохнуть в выходные на даче. Это было его любимое место – там ему никто не мешал думать...

Глава 8. Теория точек

Любимым днем недели для Профессора была пятница. Он никогда не брал дополнительных лекций на субботу. Нельзя же трепать свой беспокойный мозг шесть дней в неделю. Пять дней он раздает вопросы тем, кто, возможно, найдет на них ответы, в субботу дела по хозяйству, ну а воскресенье и сам Бог отдыхал.

Сегодня был субботний вечер, тихий, прохладный, подзолоченный закатом, и Профессор уже добрался до дачи. Он любил такие тихие вечера. Дом был его давней мечтой, он много раз видел его во сне и, наконец, нашел.

Дом стоял в заповеднике около озера. У него было два входа. Один – со стороны дороги, через который профессор вошел на второй этаж. Пройдя по коридору между двумя помещениями для машин, он попал в просторный зал. Вдоль всех стен были большие окна, из которых открывался великолепный вид. Вдоль западной стены под окнами тянулся кухонный «прилавок». Полки он не терпел, и все, что было нужно, помещалось в этих шкафах. Последние вечерние лучи, пробиваясь сквозь вертявые листочки осины, играли в хрустальных подвесках ночных светильников на окне и разбрасывали свои разноцветные блики по черной мраморной столешнице. Профессор любил готовить вечером, любясь закатами, когда никуда не надо было торопиться. Он сварил себе традиционный напиток для размышлений и пошел обходить свое тридевятое царство.

Почти в центре зала стоял длинный обеденный стол, сделанный на заказ. Посередине, во всю его длину, было углубление, в котором располагались разные столовые мелочи и низкая старинная ваза для цветов, которых всегда было в достатке вокруг дачи.

С другой стороны зала большие окна, как картинные рамы, очерчивали край леса, врезавшийся в озеро. Камыши тянулись до противоположного берега, и в них гнездились утки и плескалась рыба. По утрам из-за леса поднималось солнце и забрызгивало бликами письменный стол и просторный угловой диван, на котором любили сидеть его собеседники. Приятно было наблюдать, как постепенно разливает свои краски осень или бушует лес в непогоду.

Через окна напротив входа открывалась панорама озера. Если бы не тонкая полоска леса вдалеке, небо сливалось бы с водной гладью. Если сидеть в большом крутящемся кресле, то ближний край озера был не виден и могло показаться, что ты паришь над озером, приближаясь к горизонту.

За креслом полукругом тянулись низкие книжные полки. Здесь не было книг, которые можно было найти в библиотеках. Здесь были самые любимые книги, придирчиво отобранные Профессором, чтобы сохранить. Он никогда никому не показывал эти книги, они были очень старые и их нельзя было часто листать. Здесь не хватало только одной – самой первой, сшитой вручную, которую ему дал хороший знакомый на сохранение. Он привез ее из Ирландии много лет назад. Когда ученый тяжело заболел, он беспокоился, что книга может пропасть, написана она была на языке, который еще не был расшифрован.

Эта часть зала заканчивалась стеклянным ограждением и широкой лестницей на первый этаж.

Утреннее солнце обходя дом с восточной стороны, уходило на юг. Пробиваясь через главный коридор, оно заглядывало в просторный зал, но не палило полуденным зноем.

Со стороны озера был вход на первый этаж, и это была совсем другая реальность. Глядя из окна на первом этаже, профессор испытывал совсем другие ощущения. Озеро было так близко, что ему казалось, будто он скользит по глади озера и может проскользнуть под этот зеркальный горизонт, туда, где была совсем другая жизнь, не менее трагичная и загадочная... На этом этаже было то, что нужно для жизни в отдаленном от обыденной реальности уголке.

Профессор вышел к озеру, посидел немного, глядя на проплывающие по глади озера облака и вернулся в дом. Лунная дорожка проводила его до самых дверей.

Здесь, в заповеднике, было все: тишина и гармония – природа, не испорченная ни звуками, ни мыслями, ни делами человека. Иногда стихии боролись друг с другом, но набушевавшись, успокаивались и воцарялось равновесие. Иногда в тихие вечера из камышей выплывали два лебедя. Их движения были завораживающими. Каждой весной они прилетали на свое старое место. В одну из весен на озеро опустилась еще одна пара. Теперь они должны были решить, кто останется на этом озере... Лебеди выплыли на середину озера и стали «танцевать». Они сходились и расходились, кружились, в завораживающем ритме. Накружившись, видимо, достаточно, и обсудив все на понятном им языке, они разошлись. Одна пара поднялась в воздух и улетела.

Озеро было живое, каждый раз разное, то спокойно отражало все оттенки небес, то смахивало все одним всплеском и начинало все сначала. Так и профессор каждый раз на даче что-нибудь начинал сначала. Здесь он был наедине с самим собой, и это дорогого стоило. Он сам себе задавал вопросы и сам искал на них ответы. Это были лучшие минуты одиночества.

На даче он любил писать воспоминания о людях, с которыми его сводила жизнь. Воспоминания – это лучшее, что человек может оставить после себя. Его глазами другие современники смогут увидеть его время, его жизнь, людей того времени без масок и регалий, их настоящие лица. Когда он работал в библиотеках, первое, что он начинал читать, – это письма. Он выбирал из собрания сочинений том с письмами и зачитывался ими. В письмах человек открывался перед ним во всей своей глубине. После этого он уже знал, что стоит прочесть из его словотворчества...

Профессор сел к камину и стал вспоминать свою жизнь.

Невозможно было забыть тот день, когда он решил оставить светский мир и углубиться в поиски истины. В школе ответов на непрограммные вопросы он не получил. Обучение ограничилось зубрежкой программных тем, решением элементарных задач и участием в детских олимпиадах. Он не мог понять, зачем делать одно и то же в школе и дома. Приоритетов в предметах не было: каждый преподаватель считал свой предмет самым важным и лукаво наблюдал, есть ли в классе кто-нибудь, кто справится с ненужным объемом. Он сдавал многие темы экстерном и окончил школу досрочно. В последние школьные годы он углубился в сакральные темы. Встал вопрос, где продолжить образование. Даже не так... какое образование поможет ему разобраться с его главным вопросом. «Теория точек» – так он сформулировал свой вопрос.

У него был один близкий друг, немного постарше его и они решили поступать в семинарию, чтобы иметь доступ к закрытым библиотекам. Но жизнь сделала небольшой поворот.

Время было подходящее для того, чтобы решить для себя вопросы веры. Родись он лет на двести раньше, его вопросы разрешились бы очень быстро... Но сейчас он мог рассматривать все с разных сторон, учитывая современные достижения. Проблема была только в достигаемости источников... Перед тем, как сдавать экзамены в семинарию, он подал прошение, чтобы ему разрешили пожить в монастыре. Разрешение пришло из высшей инстанции, он получил исключительное право, которое обычно не давалось кандидатам. Он был странным исключением... Много в его жизни с самого рождения было странным. История его семьи была иллюстрацией непростой истории его родины.

Жизнь в монастыре раскрыла ему многие тайны. Все было не так однозначно, как хотелось бы. Вопросы веры и религии монахи решали каждый по-своему. Одно было для всех однозначным – вопросы религиозных ритуалов. Это было то, что держало их вместе. Они отвергли внешний мир, но внутри своего сообщества они решали почти те же самые проблемы. Потребности физического существа ставили свои вопросы намного острее, а решать их приходилось в рамках ограничений принятого ими социума. И решения не было. Были страдания

и муки. Но на мученичестве и держалась их закрытая, уединенная реальность... Смысл обучения в семинарии вскоре отпал.

Однажды в библиотеке он встретил интересную девушку, женился, у них родился мальчик. Совместная жизнь оказалась не такой безоблачной. Она была увлечена генетикой и хотела сделать карьеру. Даже собственно карьера не была целью. Целью была сама генетика. Она не могла жить без нее. Это было новое популярное направление с большими перспективами. Расстались они быстро: у них были разные точки отсчета, разные принципы. Ребенком, конечно, занялась ее мать. Встречи с сыном были умело дозированы бывшей женой, и влиять на его воспитание не было реальной возможности. Он потерял все: дом, семью, влияние на единственного сына, – то, что для мужчины является гарантией спокойного и вдумчивого движения вперед в состоянии чувства собственного достоинства.

«Семья» решала все. Она подчиняла или перемалывала, умело выдавливая все, что не подчинялось ее представлениям о ценности индивидов. У нее была своя личная реальность, устои которой никому не позволялось расшатывать. «Религиозные взгляды» отца не должны были помешать ребенку развиваться в русле новых принципов и передовых взглядов. Мальчик был любознательным, легко учился. «Семья» не жалела денег на увлечения молодого поколения клана, ему были доступны любые увлечения... Многое в его поведении настораживало.

Будущий профессор вернулся в монастырь. Он говорил на пяти языках и ему нужны были библиотеки. Монастырь оказался подходящим местом для того, чтобы разобраться с самим собой. Он часто думал о своей бывшей жене и ее увлечении генетикой. Много лет спустя он пытался разыскать ее, но безрезультатно. Она была недоступна: вышла замуж, поменяла фамилию, уехала за границу – ее след затерялся. Их давний спор о «единичном множестве» остался неоконченным. Их пути разошлись навсегда. Он только хотел знать, чего она добилась. Ему, по большому счету, не очень хотелось увидеть ее поседевшей пожилой дамой. Она должна была остаться, несмотря ни на что, все такой же молодой, красивой и энергичной. Ему не удалось ее разлюбить...

Прошло много лет, а вопрос «единичного множества» – «теория точек» – оставался вопросом. Он прочел все книги, которые ему были доступны. Только одна библиотека осталась за семью печатями, несмотря на его научные регалии. Отсутствие семинарского образования навсегда закрыло для него двери этой трудно доступной библиотеки.

Настало время сделать следующий шаг. Только куда? Мобильный телефон в монастыре стал символом абсолютно другой реальности. Жизнь в монастыре потеряла для него смысл. Ему была нужна новая точка отсчета, и он ее нашел. Его тянуло к молодому поколению, они так же ищут смысл жизни, но не знают настоящего прошлого. Оно для них такое же виртуальное, как и будущее. У нас всегда такое прошлое, которое популярно в настоящем – меняется настоящее, меняется и прошлое. Сегодняшний день уже завтра станет вчерашним. В какой реальности будут жить они лет через сорок? Ему не суждено будет это увидеть... С ними его разделяло два поколения и история, это очень много... У них другая точка отсчета. Может быть, они решат вечный вопрос смысла жизни – гармонии в «единичном множестве»... Может, тогда он перестанет быть вопросом. Он решил сосредоточиваться не на прошлом, а стимулировать их на поиск, не забывая мышление стереотипами.

Он не жалел, что ушел из монастыря, хотя провел там большую часть своей жизни. Решение было легким, будто камень с души упал. Звание Профессора давало ему право занять должность преподавателя в Академии. Он нашел новую точку отсчета – в настоящем. «Майя» – иллюзия реальности приобрела новый смысл.

Глава 9. Единицы смысла

После лекции Даг пошел домой, надо было подумать о впечатлении, которое сегодня на него произвел профессор. Что-то во всем его облике будоражило.

Даг давно жил один, мать отказалась поехать с ним... Квартира была почти пустая, но все необходимое было. Поработав в разных местах, он купил самое нужное и определился, где хочет учиться. Диплом с отличием давал ему право сдать только один экзамен, и он поступил в Академию.

В его квартире было бы совсем тихо, если бы не раздавался тихий звон часов, которые остались у его матери после того, как отец вдруг исчез. Мать разрешила ему забрать часы с собой, когда он поехал учиться. Этот звон не отвлекал его от размышлений, но напоминал о том, что надо поглядывать на часы, чтобы не оторваться от реальности, что всему нужно отводить свое время... Он помнил слова матери, она часто повторяла, что мы всегда находимся между прошлым и будущим. Это наша единственная реальность, и она предъявляет свои требования, которыми нельзя пренебрегать, раз уж мы здесь оказались.

Даг покрутился на кухне, сделал себе «трибургер» и подошел к портрету. Отец улыбался, и не хватало только усов, чтобы в них могла спрятаться загадочная улыбка. В этот момент звякнули часы, и к ним присоединился мелодичный звонок в дверь. Он никого не ждал, и открывать не хотелось. Но в дверь позвонили еще раз.

На пороге стояла Майя.

– Хорошо, что ты дома. Я ехала домой, но третья реальность совсем выбила меня из колеи. Захотелось кому-нибудь пожаловаться. Я подумала, может, ты дома... – проворчала она.

– Заходи, я вечером собирался к тебе, но заскочил домой и застрял немного.

– С тобой все в порядке? Ты как-то странно смотришь... – замаялась Майя. – Может, я не вовремя, так ты скажи, я не обижусь?

– Да, как тебе сказать. Ничего специального, просто сегодня в Академии меня чем-то зацепил Профессор. Мне показалась очень знакомой его улыбка, и я заехал домой, проверить кое-что. Странно, его улыбка похожа на улыбку моего отца.

– Почему твоего отца? Такая улыбка может быть у разных людей. Просто такой же тип лица, – попыталась успокоить Майя.

– Не знаю, как-то совпало вдруг. Надо будет познакомиться с профессором поближе. Ну да ладно. А ты чего не поделила с третьей реальностью? Кстати, почему третья? – удивился Даг.

– Так само случилась, я их не считала, просто по ходу ноги получилась третья... Понимаешь, пока куда-нибудь доберешься, теряешь столько времени, что на дело его остается в три раза меньше, ну может, в два... Я была у Кости Сократа, ты не знаешь его. Встречалась с виртуалом, обещал что-нибудь придумать для меня.

– А в чем загвоздка, можешь сказать?

– Помнишь, из моей программы приходится высказывать, когда есть хочется?

– Ну!

– Ну вот! Я ищу человека, который даст мне ниточку, чтобы вытянуть, ну... я сама еще не знаю, что надо вытянуть..., понимаешь?

– Понимаю... Сначала надо найти точку, к которой прикрепить ниточку, – засмеялся Даг и его улыбка могла бы спрятаться в рыжие усы, если бы они у него были, подумала Майя и посмотрела на портрет на стене. Но на портрете его отца тоже не было усов...

– Ты очень похож на своего отца!

– А мама говорила, что мой отец был очень похож на своего отца. Она видела одну старую фотографию, и на ней он был с усами, между прочим...

- А при чем тут вообще-то усы?
- Ну, профессор в Академии тоже с усами...
- Ну и что?
- С рыжими усами...
- Ага... А что это за ключ на стене?

– Этот ключ от шкатулки, мой отец носил его всегда на вощёной веревочке на шее. Шкатулка стояла у него на столе. Я, конечно, пытался ее открыть, но только один раз. Я взял ее, когда отца не было дома и вставил шпильку в замочек, чтобы открыть. И тут меня дернуло током. Тогда я взял нож, но вставить его между дощечками не удалось, только заноза осталась в пальце. Они были не ошкуренные, но очень плотно прилегали друг к другу. Отец знал, что я любопытный и догадался, почему у меня долго не заживал палец. Он объяснил мне, что это шкатулка моего дедушки, который оставил ее на хранение моей бабушке. Отец обещал, что отдаст мне ключ попозже, когда придет время. Дедушка жил где-то далеко, и я с ним никогда не встречался.

Потом через много лет я получил этот ключик, но это был самый печальный день в моей жизни... Отец умер. Жена отца из Парижа сообщила, что отец погиб при непонятных обстоятельствах около собора Парижской Богоматери. Много лет назад он завещал похоронить его во Франции.

Я был на его похоронах. Мы стояли на кладбище и слушали прощальные слова его друзей, я не мог выдавить из себя ни одного слова, они комом стояли в горле. К тому же, на меня все время смотрел странный человек.

Недалеко от нас несколько человек рыли новую могилу, и один из них остановился отдохнуть, оперся на лопату и смотрел на меня. У него было очень сильное спортивное тело, красивое лицо, выющиеся волосы с сединой и совершенно черные глубокие глаза. Я тогда подумал, что этот человек, видимо, очень многое пережил в жизни. Он долго смотрел на меня, потом взялся за лопату и продолжил свою печальную работу, но мне казалось, что он все еще смотрит на меня. Странно было его здесь видеть. Он совсем не подходил к этому месту, столько в нем было жизненной силы и глубокого смысла в его взгляде. Его бездонные глаза притягивали – это был вход в глубины его души. Я никогда не забуду его взгляда!

Потом позже я встречал людей, у которых после глубоких переживаний менялся взгляд на единицу смысла... Ты замечала, какие разные глаза у стариков? У одних – прозрачные и чистые, у других – белесые и мутные и только зрачок всегда остается точкой глубокого соприкосновения с чем-то бездонным и опасным. Можно разглядывать радужку глаза, но нельзя долго смотреть в зрачок человеку... Там, в глубине, что-то происходит, только сам человек может туда заглянуть... и то ненадолго...

– Так что хранится в этой шкатулке? – тихо спросила Майя.

– Там лежат записки какого-то монаха и странный значок. Шкатулка хранилась в их семье очень давно, однажды ее чуть не украли. Отец написал мне еще несколько слов, но это личное, извини.

– Ты дашь мне прочесть записки?

– Дам. Когда придет время...

Глава 10. Город черных ангелов

Домой возвращаться уже было поздно и Майя осталась ночевать. Она провалилась в сон, как это обычно с ней случалось – достаточно было добраться до подушки, тем более, что компьютер был занят. Даг сел доделывать какое-то задание к завтрашнему дню.

Когда она утром проснулась, его уже и след простыл. Она лежала и думала о странном сне, который ей приснился под утро.

...Она двигалась между двумя мирами, по какой-то кромке между небом и морем. Над ней в полной темноте мигали звезды, под ней волновалось темное море, и только лунная дорожка тянулась к берегу почему-то от нее. «Странно, почему я не вижу луны, почему она все время сзади меня?» – думала она.

Берег приближался, и в плотной темноте начали мигать и переливаться разноцветные огни города. Казалось, что огни качаются, как волны. «Город черных ангелов, – подумала она. – Почему черных, я ведь там никогда не была?» Она оказалась на улице и шла между шикарных особняков. Занавеси на окнах открывались, люди начали выходить из своих эксклюзивных ячеек и разъезжаться на «нереальных» машинах. На капотах машин блестели золотые или серебряные значки.

На пороге одного дома стояла маленькая девочка. Она помахала вслед машине и исчезла за дверью. Дети, рожденные в этих ячейках, не нуждались в том, чтобы зарабатывать значки. У них на левом плече стояла отметка в виде двух переплетенных рогов. У них есть все, их проблема заключалась в том, чтобы не делать ничего для простых смертных. Если они накормят голодного или пожалеют бродягу, их метка каждый раз бледнеет и может исчезнуть. Когда она исчезнет, они потеряют все и станут простыми смертными.

Вечером жители Города черных ангелов съезжались в старинный особняк. Проходя мимо человека в черном костюме с золотыми нашивками, они прикладывали свою руку к его руке, и вшитые им в руки золотые или серебряные кружочки, совпадая, мигали синим или зеленым светом. Перед ними открывалась мягкая золотая движущаяся дорожка, по которой они въезжали в просторный зал. Огромные люстры украшали расписные потолки, все давило роскошью. Одежда завсегдатаев была вычурной, бриллианты сверкали злыми безжалостными огоньками.

Иногда здесь появлялась очень необычная пара. Одеты они – совсем не подходяще обстановке. Никто кроме них не имел права так одеваться. В очень далекие времена они сняли эту одежду в последнего человека, чтобы выжить. За многие века она поистрепалась, но они ее никогда не снимут. В этом их отличие, их высший статус.

Собравшиеся завсегдатаи медленно прогуливались, кивали знакомым и снимали с подносов бокалы с разноцветными жидкостями...

В разных углах зала стояли небольшие круглые столы, к ним подсаживались желающие заработать шестигранные жетоны. В середине зала – большой стол. Вскоре за ним соберутся самые главные игроки.

...Нора проснулась около двенадцати. Она обычно спала после легкого ужина, если ночью собиралась встретиться со своими подопечными. Она подошла к широкому окну и вгляделась в чернеющую бездну. Где-то там кончалось море, и за тонкой гранью начиналось небо. Она любила это время суток! Ей нравилось скользить между двумя мирами. При свете она видела то, что ей уже было доступно, но ночью исчезала грань, которая мешала ей мечтать. В ясную ночь только звезды касались этой грани.

К ее крепости вело две дороги. По нижней можно было проехать через ворота в парк и на лифте подняться прямо в просторную гостиную. По верхней дороге она обычно выезжала из дома.

В переговорном устройстве раздался мелодичный перезвон.

– К Вам пришли, – сообщил голос.

– Проводи его ко мне.

Через минуту дверь лифта открылась и в зал вошел пожилой человек в изношенной старомодной одежде. Он посмотрел на нее и молча приподнял левую бровь. Молчаливый вопрос был настолько привычным, что не требовал ответа. Он осмотрел ее с головы до ног и одобрительно кивнул. Из-под рваного края юбки были видны стройные ноги, стоптанные туфли соответствовали наряду. Прическу она умудрялась менять каждый раз так, что лицо менялось до неузнаваемости. «Она мне мстит за нелюбовь, – подумал он, – за вожденную разлуку, за злую ложь ненужных слов...», – подошел к открытому окну и тоже всмотрелся в чернеющую бездну. Видимо, оставшись довольным своими мыслями, он улыбнулся и повернулся к ней. Подошел к стене, нажал кнопку. Стена раздвинулась: второй лифт поднял на их этаж его машину. Дверца машины поднялась вверх, как крыло черного ангела, и он широким жестом пригласил свою даму сесть на заднее сиденье. «Протянет ледяную руку, с улыбкою поднимет бровь, в глазах скрывая сердца муку, – продолжил он мысленный язвительный монолог, – нам не дано расстаться с ней, гордиев узел слишком крепок, мы – прошлое своих теней...». Он улыбнулся ей еще раз и опустил черное крыло.

Вторая дверь лифта раздвинулась, машина выехала через автоматические ворота на верхнюю дорогу. Перед ними развернулась удивительная панорама. Небольшие облака окончательно развеяло, и высыпались звезды. Там, где кончались звезды, обозначилась граница неба. Море было все такое же черное, только где-то вдали мелькали огоньки большого лайнера, почти касаясь звезд на горизонте. От горизонта к берегу тянулась серебристая дорожка.

Дорога извивалась, протискиваясь между прилепившимися на обрыве виллами. Внизу уже стало видно колышущееся море огней вечернего города, в середине которого притаилось самое заманчивое заведение Города черных ангелов. «Зал свидетельств» – так называли его завсегдатаи.

Машина Норы и ее бессменного спутника подъехала к «Залу свидетельств» и остановилась на единственном, всегда пустующем месте около входа. Никто не решался занять это место.

Они вышли из машины и прошли мимо человека в черном. Ему не было надобности проверять жетоны... Свернув с золотой дорожки, пара скрылась за тяжелой кипарисовой дверью. Воцарившаяся плотная тишина начала понемногу пробиваться шепотом, затем все громче и смелее зазвучали голоса. Через эту пелену прорвался мягкий, но настойчивый голос крупье: «Делайте ваши ставки, господа!» Началась игра...

К главному столу в центре зала стали подтягиваться мужчины, и к ним присоединилась только одна женщина. Она подъехала на инвалидной коляске. На вид ей было лет сто, морщинистое лицо было жестким, но глубоко посаженные темные глазки выдавали проницательный ум.

Она остановилась в конце длинного стола. В «изголовье стола» стоял круг рулетки. Завсегдатаи клали на расчерченные клетки свои карточки, на которых было что-то написано. Крупье крутил рулетку и предлагал делать новые ставки. Игра шла живо, и эмоции иногда перехлестывали через дальнюю сторону стола, где скапливалось все больше карточек. Иногда крупье сбребал проигравшие карточки, и они исчезали в узкой щели стола. Время приближалось к рассвету, и должна была появиться экстравагантная пара, исчезнувшая за кипарисовой дверью.

Часы пробили, и в зал вошли двое в старой оборванной одежде. Все притихли. Они подошли к столу и сели по обе стороны стола, ближе к крупье. В этой игре участвовали только кар-

точки, на которых были написаны названия владений и счетов, которые разыгрывали в последней жестокой ставке.

– Делайте Ваши ставки, господа, – почти прошептал крупье.

Играли только трое. Старая дама положила несколько карточек – проиграла. Положила снова несколько и на этот раз выиграла. По правилам игра заканчивалась, когда у игроков заканчивались карточки. Выйти из игры было невозможно. Игра шла с переменным успехом, приближался рассвет.

– Последние ставки, господа, – серьезно сказал крупье.

Трое поставили все свои карточки на разные клетки и крупье раскрутил колесо фортуны. Оно пугающе взвизгнуло, и шарик подпрыгнув, заметался по кругу. Тишина стояла гробовая. Колесо стало замедлять ход, и шарик, зацепившись за маленький выступ на колесе, лежал не двигаясь. Старая дама не стала дожидаться пока колесо совсем остановится, улыбнулась и прошипела себе под нос: «Ничего страшного, три главных козыря у меня все равно уже есть...», – и отъехала от стола. Странная пара забрала выигрыш, каждый со своего квадрата, и крупье пропихнул в отверстие стола выигрыш казино – карточки старой дамы.

Все присутствующие были свидетелями последней игры, и споров в «Зале свидетельств» никогда не возникало...

Завсегдатаи стали разъезжаться. Солнце готово было выскочить из-за горизонта, приближалось время завтрака!

...Майя лежала в кровати и не могла понять, где граница реальности и сна, где та граница, которая не дает человеку сойти с ума, поверив в реальность виртуальности. Ее программа работала четко, она всегда знала, куда хочет попасть, когда хочет выйти из нее и почему. Она сама решала, чего она хочет. Во сне же было непонятно, кто направляет ход ее мысли, для чего она попала в Город черных ангелов, причем тут козыри у старой дамы? Почему сон оборвался именно на этом месте?»

Она почувствовала, что хочет есть. «Правильно сказал Даг: «Просто жрать хочется», – заключила она, – ...но во сне-то не хотелось...», – и вылезла из кровати.

Глава 11. Премудрости генетики

Для завтрака она все нашла в холодильнике. Даг не пренебрегал потребностями первой реальности, у него всегда было, что поесть. В отличие от него, у нее и холодильник был меньше и полки в нем были сиротскими. Она могла жить на перекусах, но любила заскочить по ходу ноги в кафе и просканировать меню.

Реальность вступила в свои осознанные права. Затрещал телефон – звонил виртуал.

– Майя? У меня проект, я занят. Запиши телефон одного интересного человека. Она микробиолог и диетолог, академик, между прочим... что-нибудь тебе подскажет, пока! – он проговорил все на одном дыхании, номер телефона оказался до смешного примитивным. Она не успела ничего ответить, как связь оборвалась.

Короткий звонок определил направления движения. Пришлось долго ехать на метро и дальше на автобусе. Третья реальность ничем новым ее не удивила.

Лаборатория микробиолога была в пригороде. Высокий забор отгораживал ее от городка, да еще пришлось пройти до него по не очень асфальтированной дорожке. В переговорном устройстве ответили, что ее встретят. Майя вошла в просторный застекленный вестибюль. Из глубины к дверям вестибюля приближалась женщина на инвалидной коляске в сопровождении высокого пожилого мужчины. Майя не смогла рассмотреть лица дамы. Ее глаза прикрывала коротенькая вуаль, прикрепленная к старомодной шляпке, и мужчина встал между ней и дамой, пропуская через дверь. «Нам придется немного подождать, машина запаздывает», – сказал он как бы сам себе, дама даже не кивнула. Они проследовали до гравийной дорожки, и дверь захлопнулась.

«А вот и старушка=три козыря... Странная пара в странном месте...», – успела подумать Майя, пока к ней подходила энергичная женщина. Она представилась Ариадной и сразу предупредила, что у нее есть не больше получаса.

Они прошли в гостиную с большим обеденным столом и кухонным уголком. Майя рассказала о своей программе и задавала вопросы, по возможности кратко и внятно. Ариадна слушала внимательно и не перебивала. Потом кивнула головой.

– Понятно! Много лет назад был создан проект. Он собственно родился из возникшей проблемы. Наше человечество производит слишком много отходов своей жизнедеятельности... Помимо естественных, мягко говоря, есть еще «побочные», ну этим не стоит забивать Вам голову. Скажу в общем: все, что мы считаем достижениями прогресса, является фактически регрессом, уничтожением самого главного – возможности дальнейшего существования для всех...

– Как-то туманно... – попыталась вставить Майя.

– У меня не очень много времени, чтобы углубляться в подробности. Ну, в общем, многие занялись изучением возможности переработки отходов и значительно преуспели в этом. Генетикам тоже было некогда скучать, нас завалили заказами на исследование генетических вариаций для увеличения производства продуктов питания. Вы знаете, конечно: перенаселение, уничтожение лесов, загрязнение водоемов, ресурсы... М-Да... Мы гордимся нашими успехами! Нам удалось сделать много открытий. Наши открытия передаются для промышленного внедрения, и некоторыми из них вы уже пользуетесь! – Гордо заключила академик.

– Вы имеете в виду вторсырье или продукты питания?

– Мы в основном занимаемся сырьем для производства продуктов питания. Многие из них вы не отличите ни по внешнему виду, ни по запаху, ни по вкусу!

– Вы хотите сказать, что мы едим...

– Вы едите полноценные белки, жиры, углеводы, минералы, витамины – все, что нужно для выживания вашего организма.

- А вашего, извините? – попытала ехидничать Майя.
- Я вегетарианка, но такие продукты тоже производят в достаточном количестве и очень качественные!
- А что с отходами?
- Об этом можно не беспокоиться. Их скоро не будет!
- В каком смысле?..
- Не пугайтесь! В смысле – все будет перерабатываться и пускаться в новый оборот. Замкнутый цикл, «цепочка питания» замкнется!
- А что вы думаете насчет виртуального питания? Есть что-то, что может симулировать питание, доставляя удовольствие и не вызывая сбоя в работе нашего организма?
- Глупость какая... Зачем вам виртуальное, скоро нормального питания будет предостаточно! Мы соединим множество разрозненных элементов в одно целое, так сказать – «единичное множество».
- Где-то я это уже слышала? – сказала Майя.
- Да. Идея не новая. Глобальная. И у нее много аспектов! Но всем не обязательно вникать в детали. Ведь Вы не вникаете в то, как устроен летательный аппарат. Просто им пользуетесь! Правильно?
- Но... это не одно и то же...
- Это так кажется. Невозможно знать все. Каждый занимается своим делом. Мы решаем конкретные задачи. Принцип – «семь ступеней»: проблема-анализ-задача-поиск-результат-решение-последствия.
- Извините, мне кажется, вначале решение потом результат..., – засомневалась Майя.
- Результат поиска... Он дает несколько вариантов решения, – многозначительно сказала академик. А «последствия» – это и есть новая проблема. Принцип остается тот же самый. Вообще-то есть еще «принцип двенадцати», но это уже профессиональные тонкости, думаю, Вам в это не надо углубляться, – задумчиво улыбнулась Ариадна.
- А «принципа тринадцати» случайно нет? – попыталась пошутить Майя.
- Вы боитесь цифры тринадцать? – засмеялась дама.
- Да нет. Мне как-то всегда везло на тринадцать. Я не знаю, почему многие ее боятся, ну избегают, во всяком случае.
- Тринадцать – это просто начало нового цикла, дальше опять вступает в силу «принцип двенадцати», понимаете?
- Так мы что, бегаем по кругу?
- Не по кругу... – по спирали! Причем, не по одной, все зависит от масштаба, – задумчиво сказала ученый. – По цепочке ДНК, если хотите. Многие гены у нас пока молчат, простаивают, так сказать, загадок еще много. Но мы можем построить ген, дающий право на умственный скачок в развитии человеку будущего. Не думайте, что это простой выбор. Зачем ждать двадцать лет, пока разовьется и станет готов для работы мозг молодого человека. Пока он развивается, мы уходим очень далеко, и он практически все время пытается догнать то, что неумолимо уходит вперед. Мы не можем надеяться на случай. Гении рождаются не так часто, как Вы знаете. Но можно создать просто мозг, который имеет безграничный потенциал и не умирает. Помните, уже был такой прецедент, но Доуэль был человеком, и его мозг оставался зависимым от кровеносного питания. А «компьютер с интеллектом» можно выключить и включить без потери для основного процесса. Понимаете? Такой мозг практически почти готов. Он сам себе задает вопросы и сам ищет на них ответы. Скорость мышления невероятная... Исключает механические ошибки. Остается только выбрать подходящую к ситуации внешнюю оболочку. К тому же отсутствует человеческий фактор. «К сожалению, мы занимаемся пока только аналогами, но это не Ваш уровень...», – как бы себе самой почти прошептала Ариадна.
- А зачем тогда ему Вы? – осторожно обронила Майя.

– Контроль все равно остается у нас. Мы можем отключить его от «питания»..., разве не понятно? ... если он зарвется. Он всегда будет зависим от нас. Если таких будет много, мы сможем выбирать, кому питание давать более целесообразно. Объём обрабатываемой информации растет в прогрессии и люди не выдерживают психически..., «выпадают» из процесса. И заменить нужного специалиста очень проблематично.

– Пока включаете и выключаете Вы, человеческий фактор исключать нельзя..., – заметила Майя.

– У нас очень серьезное тестирование для желающих работать в лаборатории. «IQ цивилизация», хотите Вы или не хотите, уже существует параллельно, у нее свои задачи и возможности.

– А ради чего Вы все это делаете? У простых людей столько проблем.

– Вот и займитесь решением посильных Вам задач. Кстати, мы начали беседу с вопроса о питании. Какую реальную проблему решает Ваша программа? Путешествие виртуальное, а есть-то захочется вполне реально...

– Моя программа дает человеку возможность экономить время и мечтать! – пыталась защитить свое невольное смущение Майя.

– Мечтатели! Замечательные люди! Иногда они нам помогают увидеть новую цель, остальное мы делаем сами. Я подумаю над вашей проблемой. Возможно, виртуальное питание может иметь практическое значение для нового человека, если поработать с «тихими генами». Забавно... Я Вам обязательно позвоню, если будет что-то получаться.

– Я бы хотела почитать историю ваших достижений, может, это поможет мне, – осторожно заметила Майя.

– Не все материалы доступны для журналистов, вы же понимаете, надо оберегать наши достижения от тех, кто хочет просто пользоваться ими.

– Но я не журналист! Я программист. У меня свой личный интерес.

– Вот видите, уже свой личный... А кто ответит за последствия вашего эксперимента?

– Но я не делаю ничего плохого! – возмутилась Майя.

– В наших лабораториях все на научной основе. У нас работают лучшие научные кадры. Требования к ним очень высокие, уровень не ниже докторского. Вот это и дает гарантии получения результата, – поставила жирную точку академик.

– А кто контролирует ваши работы и вообще, кто решает, чем лаборатория будет заниматься?

– Жизнь решает, неугомонная Вы моя. Жизнь не может стоять на месте! В этом загадка жизни, ее смысл. Мы и так слишком долго топтались на одном месте. За двести лет мы достигли немислимо много. Мы творим почти на божественном уровне. Скоро будут рождаться совсем другие люди, будет решена вечная проблема отношений двух полов. И не надо будет всю жизнь искать свою половинку... – горько улыбнулась уже немолодая дама. – Оплодотворение возможно в пределах одного индивида. Результаты уже есть, немного доработать надо, но это не долго по сравнению с прострацией, в которой было человечество до нас. Да и сейчас ооочень многие, «примиты», так сказать, живут в прострации. Они видят все по-своему, отталкиваясь от личных потребностей. И удовлетворение этих потребностей кто-то должен обеспечивать... Задачи, как видите, очень разноплановые и довольно гуманные.

– А как же душа? А как же наследственность? Кто же родится в итоге? – растерялась Майя. – Я думаю, что есть более глубокий смысл жизни.

– Философский, конечно... – ласково сказала Ариадна и снисходительно улыбнулась.

– Да! Просто это слово немного распылилось, кому-то надо было, чтобы потеряли... ключ – мудрость, если хотите... Это не пустые слова! Аборигены, например, не пользуются «плодами цивилизации», но они хранят веками то, что «цивилизованные» регулярно и старательно уничтожают. Природа содрогается от наших достижений!

– Понятно... Ну а что вы будете делать, если завтра, послезавтра, после послезавтра у вас не будет ни еды, ни воды, ни вашей тепленькой квартирki? Виртуальная квартира в Париже?

– Откуда Вы знаете? – не удержалась Майя.

– Вы немного наивны... Философия закончится. Смысл жизни в том, чтобы выжить. Самой жизни выжить. Здесь... Или Вы думаете, что достаточно будет одной философии? Вы же не считаете аморальным подготовиться к зиме, например? А если зима будет долгая... Накормить всех не получится. Значит, нужен человек с другими параметрами. Рыба не может жить на суше, но, может быть, человек сможет вернуться в океан... Если человек вышел из океана, почему его перестала устраивать соленая вода... Да..., океан не замерзает... В общем, каждый должен заниматься своим делом, причем профессионально! Не советую Вам «улучшать» Вашу программу. Займитесь чем-нибудь полезным с общей точки зрения. Я знала одного человека, который хотел докопаться до истины. Не успел, истина лежит слишком глубоко.

– Погиб? Убили, конечно... – оживилась Майя.

– Ну что вы, просто поставил другую цель... – преподает, ищет тех, кто успеет добраться до его заветной истины. Мечтатель! Ну извините, мне пора идти.

Ариадна поднялась, и Майя с удивлением стала рассматривать ее стройную подтянутую фигуру.

– Конечно... Спасибо за совет! Я подумаю, – задумчиво сказала она.

– Интересное у Вас имя... «иллюзия». Оно Вам подходит! Кто были Ваши родители?

– Это не важно. Важно то, что их было двое! До свидания! – начала злиться Майя.

– Скорее, прощайте... – уточнила Ариадна и удалилась, растворившись в голубоватой световой завесе коридора.

Майя опустила обратно на сидение и не могла сдвинуться с места. Она чувствовала, что погрузилась в какую-то невероятную глубину, из которой не было сил подняться. Дыхание замирало, хотелось закричать, чтобы выплеснуть из себя что-то, что давило и прижимало все сильнее и начинало растворяться у нее внутри.

Генные технологии в руках очень сильных людей. Их не интересует, что думают «примитивы», которые пользуются плодами их изобретений, чаще всего вообще не подозревая сути. «У них большие перспективы, лучшие специалисты, и говорить она может исключительно о диетологии и производстве продуктов питания в рамках того, что опубликовано в открытой печати», – ехидно подумала Майя. – А что это такое, что не опубликовано?..»

Ответы заслуженного генетика были выверенными, гладкими, и зацепиться было не за что. Вывод был печальным. Получалось, что программу не было смысла дописывать. И вообще, питания скоро будет много, и волноваться по этому поводу не нужно. С водой уже тоже почти «разобрались», есть проекты, которые уже работают, и несколько находятся «в активной разработке». Майя получила несколько доброжелательных советов по питанию для нее лично, и ей ничего не оставалось, как удалиться.

Вместо нужной ниточки она получила «нить Ариадны», и непонятно было, куда теперь она ее приведет...

Глава 12. Иллюзия движения

Майя вышла на улицу. Голова гудела, как сломавшийся генератор. Идеи не генерировались. Она никак не могла остановиться на чем-то одном.

«Ариадна, конечно, очень умна, научные звания просто так не дают. Но кто же следит за тем, что они делают? Где граница дозволенности? Возомнили себя чуть ли не... Уровень у них божественный! И как все обрадовались, когда овечка Долли появилась... Никто не знает, что они там еще «нарасплодили»... А теперь еще хлеще: маме не нужен папа, а папе не нужна мама! Самооплодотворением они будут заниматься... Сердце возьмем у одного, почки – у другого, руки-ноги тоже не проблема... да и вообще, «детали» они распечатывают на «принтере 3D», почку уже вырастили искусственно и ведь прижилась... «Нью-сапиенс» ручной сборки... Говорящие мозги – жуть! «Ботаники» копают и сверлят, чтобы узнать, как было, а этих, похоже, вообще не волнует, почему то, что было, перестало быть... Боже! Боже! Какое счастье, что пока еще дети могут рождаться нормальным способом...

Интересно, а о ком это она обмолвилась? Преподает... После такой беседы хочется зайти в церковь и задать новые вопросы. Майя задумалась, и печаль накрыла ее своей не затихающей волной воспоминаний... – Даг говорил, что в некоторых странах уже продают церкви из-за невозможности их содержания. Скандалы, связанные со святыми отцами, коснулись ее семьи слишком близко. Сан не спасает священника от порока, «покаяние» не спасает поруганного ребенка... нравственные ценности подменяются свободой выбора, свободой самовыражения, искупаются отпущением грехов, священным символам придается «обновленное» значение. Сколько их осталось, нетронутых, почитаемых Истари?

...где сейчас Даг, так хочется с ним поговорить», – подумала Майя и решила поехать домой.

В этой третьей для нее реальности ее многое цепляло. Почему надо толкаться в очередях, почему надо копать в кошельке и платить копейки за проезд, почему это не может быть проще в большом городе, удобнее для передвижений с места на место в богатейшей стране. Ей было жалко времени, которое она тратила на перемещения по городу, это было супер неэкономично. Она вышла не на своей остановке в полном разочаровании и пошла вдоль парка.

С правой стороны от нее догорали последние минуты вечернего горизонта. Ее внимание привлекло солнце. «Странно, – подумала она, – я могу смотреть на солнце и глазам не больно... Надо остановиться и понаблюдать как следует.» Она свернула в проулок, чтобы деревья не мешали, и остановилась прямо напротив заходящего солнца. Она смотрела на него без защитных очков... Оно не слепило, но и не было прикрыто дымкой облаков, оно как-то странно переливалось, мерцало мелкими искорками. «Что это может значить? Я такого мерцания никогда не видела... Надо будет спросить у Дага, может, он знает.»

Она думала, как хорошо, что между ними никогда не возникало раздражения. Они как-то умудрялись думать каждый о своем и в то же время помогать друг другу разбираться в своих размышлениях. «Почему все люди не могут делать так же? Почему они пытаются водрузить свою правоту на раскаленную голову собеседника? Интересно, смогли бы мы с Дагом создать что-нибудь реальное? Пока что наши мысли крутятся вокруг чего-то непонятного, виртуального. Наверное, мы кажемся другим людям ненужными в их третьей реальности? Может быть, эта наша личная реальность – иллюзия? Почему мы пытаемся создать виртуальную реальность, по сути иллюзию... Почему все достижения «нереальных» людей используются «реальными» в абсолютной удаленности от первоначальной цели. Хотя бы эта самая Ариадна, которую мне посоветовал виртуал. Оказывается, пока одни «реалисты» разгадывали тайны ДНК, другие расстрепали эти ДНК на тряпки и теперь соединяют их, как заблагорассудится! И все шито-крыто. В результате мы едим черт знает, что, а то, чем они собираются нас кормить в будущем, вызы-

вает рвотный рефлекс уже сегодня. Скорее всего, мы уже и сегодня едим то, что они там «наготовили». Ведь она же сказала: «Человек хочет получить вкус, и мы ему это даем, и проблем с наполнением продукта всеми нужными микроэлементами у нас нет». Кто же может их остановить? Похоже, уже никто... Проблема для них теперь только в одном, чтобы было меньше тех, кто задает неправильные вопросы.

Вот тебе и решение проблемы! Раз нельзя исключить зависимость от реальности питания, значит надо просто поддерживать узнаваемость вкусов. Правильно сказал профессор, что моя программа – это просто игрушка... Надо найти Дага!»

Вокруг окончательно стемнело. Парк закончился, и она вышла на небольшую площадь к старой церкви и застыла на месте от невероятной картины.

Небо было темное и чистое. Над горизонтом развернулся во всей своей невероятности «Млечный путь». Миллионы звезд выстроились в какой-то своей упорядоченности не в силах разорвать узы притяжения. Разноцветные пятна создавали рисунок Галактики, которая показывала людям только свою половинку. Склонясь над горизонтом, она «рассматривала» человека на своей прекрасной голубоглазой спутнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.